

Ровесник

4/73

Ровесник

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

На первой странице обложки: парижское предместье, парижские ребята и такой совершенно парижский разговор: о выборах. В марте, как известно, состоялись парламентские выборы, ознаменовавшие значительный успех левых сил, а выборы — это ведь выбор каждого — за что и за кого. Снимок запечатлел типичную для предвыборных дней сцену.

В этом номере читайте: доктор юрид. наук А. Полторак — О силе мнения народного; болгарский публицист С. Продев — Вьетнам военный и мирный; журналист Ю. Поляков — Мои коллеги на двух Всемирных фестивалях; спортивный обозреватель С. Попов — К нам в гости едет Универсиада.

МОСКВА. Во второй половине сентября 1973 года здесь состоится тираж выигрышей по лотерейным билетам с эмблемой X Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Уже почти два месяца эти билеты стоимостью 50 копеек распространяются комсомольскими организациями на предприятиях и стройках, в колхозах, совхозах, школах, вузах и учреждениях страны. Успех фестивальной лотереи объясняется не только обширным списком ценных выигрышей, включающим автомобили «Москвич» и «Запорожец», мотоциклы, магнитофоны, туристское снаряжение, путевки в международные молодежные лагеря, но и тем, что средства, собранные от распространения лотерейных билетов, пойдут на покрытие расходов, связанных с участием советской молодежи во встрече юности мира в столице ГДР — Берлине и проведением Всесоюзного фестиваля советской молодежи.

БУДАПЕШТ. С чувством глубокого удовлетворения встретила молодежь мира весть о подписании соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. В заявлении ВФДМ по этому случаю подчеркивается, что «вместе с вьетнамскими братьями радость победы разделяют сегодня страны социализма, международное коммунистическое и рабочее движение, все прогрессивные силы мира, все те, кто последовательно и решительно выступал в поддержку вьетнамского народа, кто внес вклад в торжество правого дела Вьетнама».

ВФДМ многие годы выступала инициатором международных кампаний солидарности с Вьетнамом, в рамках которых прошли тысячи молодежных акций, было собрано 500 тысяч долларов на больницу имени Нгуен Ван Чоя в Ханое.

ХЕЛЬСИНКИ. XI съезд Центрального союза социал-демократической учащейся молодежи Финляндии, проходивший в городе Ювяскюля под лозунгом «Вперед к социализму», отметил, что прошедший год был знаменательным для всех прогрессивных и социалистических сил страны, потому что это был год празднования 50-летия образования СССР.

Съезд призвал всех учащихся страны содействовать дальнейшему развитию финляндско-советских отношений и принять активное участие в торжествах по случаю 25-й годовщины договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР.

БОГОТА. Оценивая значение Всемирной встречи трудящейся молодежи, проходившей в ноябре прошлого года в Москве, ее участники — представители профсоюзных молодежных организаций Колумбии Г. Чинчилья и Э. Кастельбланко заявили, что заключительный документ встречи подтвердил право молодежи на труд, демократические свободы, создание своих организаций.





АПРЕЛЬ, 1973 ГОД (ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ)

№ 4

Всемирный Молодежный Телеграф

«Важность этого документа, — подчеркнули молодые профсоюзные лидеры Колумбии, — особенно очевидна для молодежи капиталистических стран, поскольку в социалистических странах подобные проблемы уже давно решены в интересах молодежи».

АДЕН. Молодежь демократического Йемена готовится к участию в X Всемирном фестивале молодежи и студентов. В штаб-квартире политической организации Национального фронта состоялось первое заседание национального подготовительного комитета фестиваля. Участники заседания приветствовали решение о проведении в Берлине X Всемирного фестиваля и призвали молодежные и спортивные организации, деятелей культуры и искусства страны всемерно содействовать популяризации идей и целей фестиваля. Было принято решение провести по всей стране широкую кампанию солидарности и дружбы с народами Индокитая, с арабским национально-освободительным движением, с молодежью социалистических стран.

ЗАНЗИБАР. Семинаром, открывшимся в колледже имени Патриса Лумумбы, начался национальный фестиваль молодежи Танзании, впервые проводимый на Занзибаре. Участники семинара обсудили задачи танзанийской молодежи в борьбе за укрепление независимости и развитие экономики страны, в освобождении территорий Африки, все еще находящихся под расистско-колониальным господством.

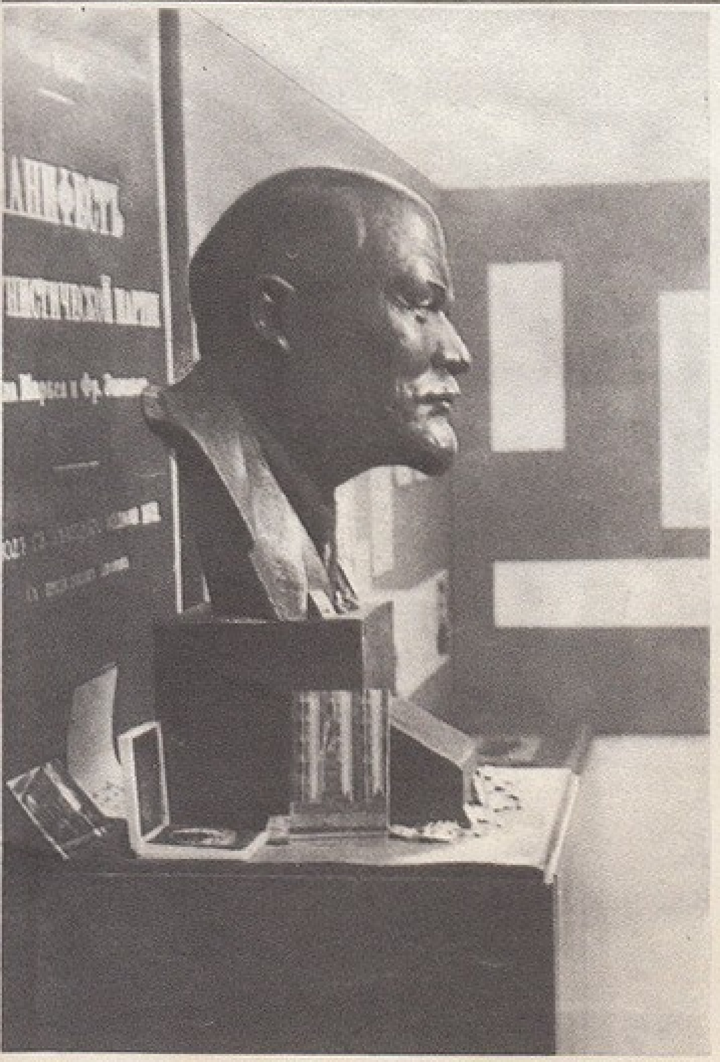
На фестиваль приглашены делегации молодежных организаций и национально-освободительных движений многих стран Африки. В программе — просмотр фильмов о борьбе патриотов Азии и Африки за свободу и независимость, спортивные соревнования и выступления самодеятельных коллективов.

ЛОНДОН. Элизабет Макки, 19-летняя служащая страховой компании в Дерри, осуждена военным трибуналом на пожизненное заключение за принадлежность к Ирландской республиканской армии. Судилище над ирландской патриоткой проходило в Лондоне на основе нового закона о «безопасности», который наряду с террором, развязанным английскими войсками в Северной Ирландии, стал еще одним проявлением «заботы» Лондона об этой «автономной» провинции.

НЬЮ-ЙОРК. Стоило Управлению по вопросам внутренней безопасности США занести в свой черный список Союз молодых рабочих за освобождение, как на членов этой прогрессивной организации американской молодежи обрушились репрессии. Вначале полиция пыталась привлечь к ответственности активиста союза в Детройте Джона Лайна, против которого было сфабриковано обвинение в подделке денежных документов. И хотя попытка эта провалилась, полиция и секретные службы продолжают стряпать фальшивки против членов союза. Недавно полиция Лос-Анджелеса попыталась подкупить председателя местного отделения организации негра Джозефа Смита и превратить его в платного осведомителя. Когда этот маневр потерпел провал, против Д. Смита было выдвинуто ложное обвинение в «торговле наркотиками». Ему угрожает суд и тюрьма.

Коммунистическая партия, студенческие и молодежные организации США ведут борьбу за прекращение преследований членов Союза молодых рабочих за освобождение.

БОНН. Вышел в свет очередной том ученых записок Мюнхенского института социологических исследований. Среди прочего в нем приводятся законы, ограждающие подростков от чрезмерной эксплуатации предпринимателей. Таких законов в ФРГ немало. Однако проведенные опросы свидетельствуют, что в стране нет почти ни одного предприятия, где бы эти законы соблюдались. Как пишет газета «Ди цайт», нередко пятнадцатилетние подростки работают больше 46 часов в неделю, а на отдельных предприятиях и по 10—14 часов за смену.

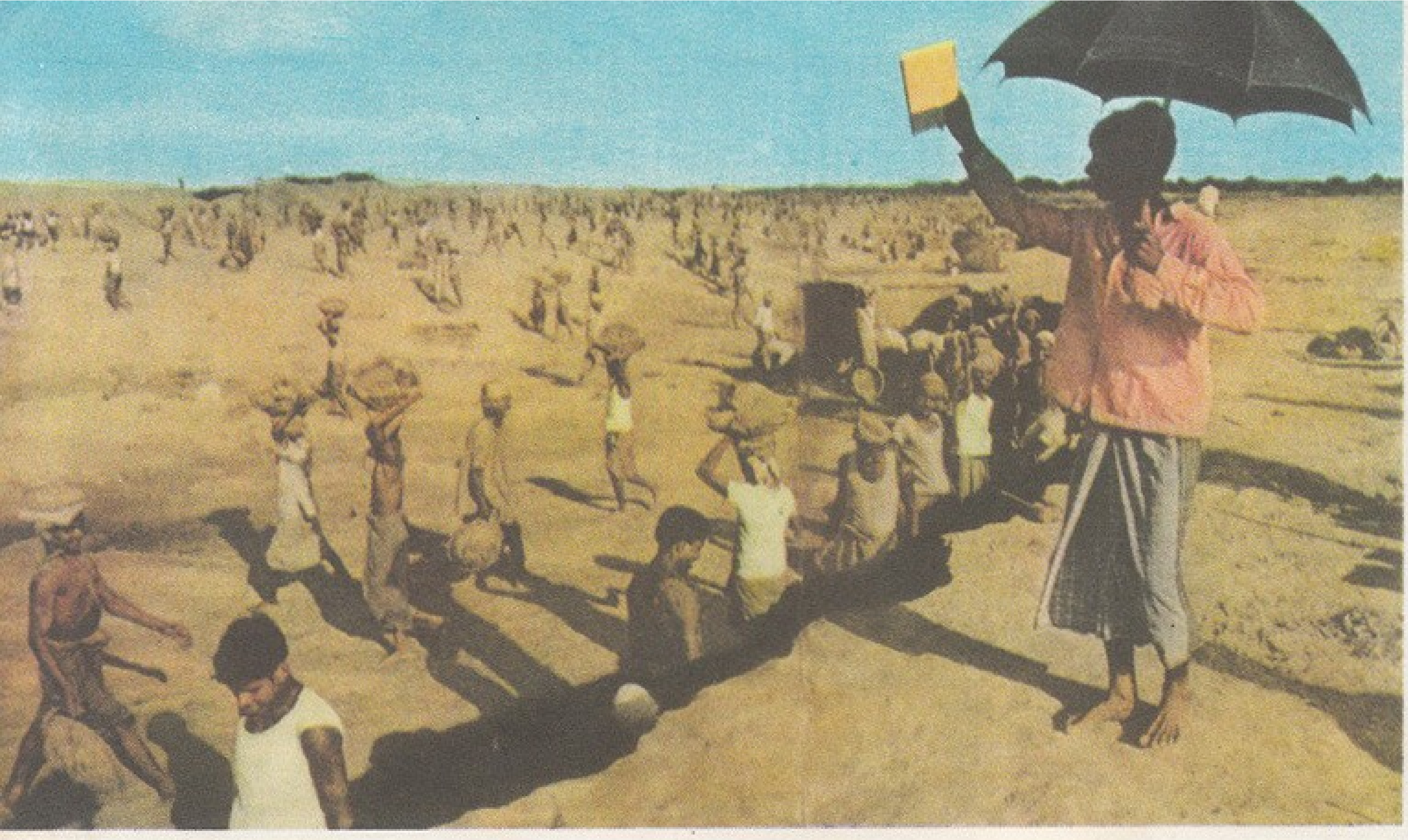


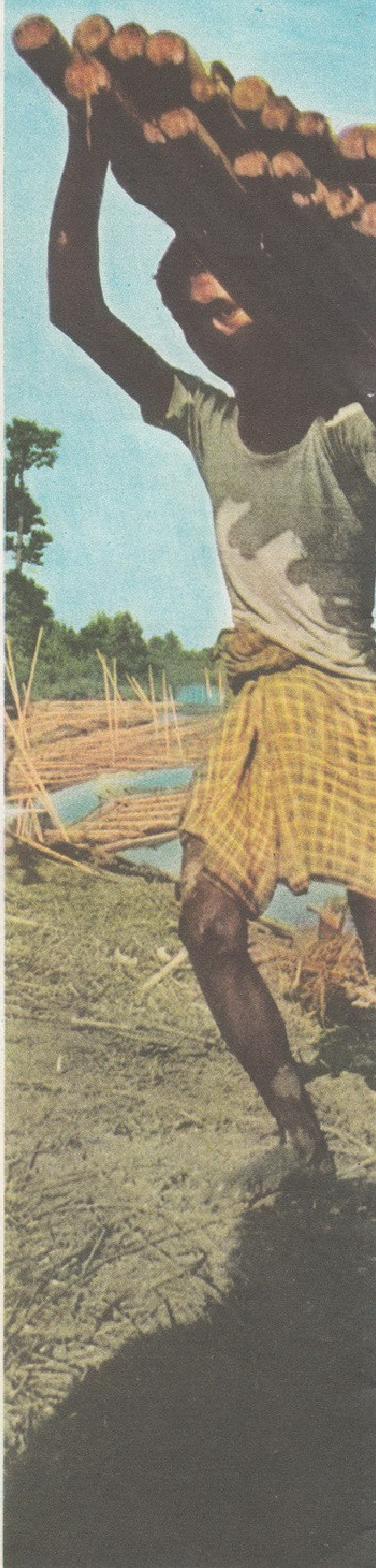


Этот частный когда-то адрес — Париж, улица Мари Роз, дом 4 — теперь известен во всем мире. Здесь, находясь по решению большевистского Центра в эмиграции, Владимир Ильич Ленин прожил 3 года — с 1909-го по 1912-й. Здесь же 27 апреля 1955 года после ремонта, произведенного в квартире, приобретенной французскими коммунистами, открылась выставка жизни и деятельности вождя. В начале 1972 года после полного восстановления квартиры В. И. Ленина выставка была преобразована в Мемориальный музей.

Вот уже восемнадцать лет, как День памяти Владимира Ильича Ленина отмечается на Мари Роз. Вот и в эти апрельские дни сюда придут коммунисты и комсомольцы Франции.

Снимки, которые вы видите на этих страницах, присланы «Ровеснику» сотрудником журнала французских комсомольцев «Авангард» Жеральдом Блонкуром.



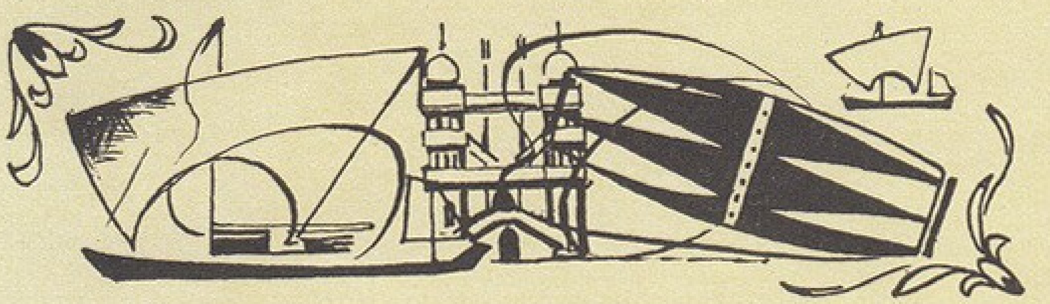


СМОТРИТЕ:

Около полутора лет существует на берегах древнего Ганга Республика Бангладеш. Военные действия, которые велись на ее территории в 1971 году, нанесли урон, оцениваемый примерно в 1 миллиард рублей. Поэтому и стал первый год существования республики годом борьбы с разрухой и голодом. Одна из острейших проблем страны — коммуникации, а попросту — дороги. 296 введенных в строй железнодорожных мостов — цифра, не менее радующая, чем первые успехи промышленности.







«Народная Республика Бангладеш... Вы не найдете ее на географических картах, изданных до 1971 года. На горьком и душном пепле Восточной Бенгалии взошла новая страна, вынужденная вторично обретать свою независимость. Звездные дни истории — а борьбу и победу народа Бангладеш по праву можно к этим звездным дням причислить — всегда рождают поэзию. Произошел такой «поэтический взрыв» и в Бангладеш.

Революция всегда писала на скрижалях истории руками своих поэтов. Бенгальские поэты, достойные наследники Рабиндраната Тагора, создали в короткие сроки лирическую летопись, вдохновенно раскрыли внутренние течения, приведшие к победе. Стремление запечатлеть увиденные и пережитые картины борьбы и народной жизни, запечатлеть немедленно, сегодня, в тот самый час, когда они произошли, характерно для настроений поэтов Бангладеш. Отсюда взволнованная очерковость некоторых стихов. Они найдены на горячих газетных полосах и еще не вошли в сборники и антологии. Не преуменьшая жестокости и сложности борьбы, поэты и на боевом посту остаются лириками, тонко ощущающими все ветерки природы и вибрации человеческой души».

Эти слова предпосылает советский поэт Е. Долматовский сборнику поэзии Бангладеш «Свет возрожденной надежды», который выпускает в этом году издательство «Художественная литература».

Хашан Хафиджур РОХМАН

БЕЙ В БАРАБАН, БАРАБАНЩИК!

Зарницы сверкают близко,
знойный клубится прах,
все небо в склонившихся низко
громыхающих облаках:
облачная, свинцовая, душная ночь горяча, —
бей в барабан, барабанщик,
бей в барабан сплеча!

Бесплодное плачет сердце много ночей и дней,
бей в барабан, барабанщик!
А ну-ка ударь сильней!
Чтоб под такою погодкой, долго копившее злость,
яростной парусной лодкой
сердце с цепи сорвалось!

Бей, ведь гроза неминуча! Бей, чтоб натешиться всласть,
чтобы с грохочущей тучей мигом душа слилась!
Схожа с замком старинным, вялая, словно лень,
прильнула к вселенским кровлям
блаженного облака тень.

В нем дремлют дождей каскады, гул радости и беды,
клокочущие тирады сгустившейся в пар воды;
нарушив оцепененье, мешая радость и плач,
во мгле кавалькада капель несется по крышам вскачь!

В растерзанном теле тучи смешались отрада и яд, —
день, смутный, как новолунье, струеньем ливня объят:
хитер этот душный ливень,
но пусть он клокочет, пусть, —
греми, музыкант счастливый,
сплетая восторг и грусть!

Свою стесненную душу я бурным водам отдам,
гнев, ненависть, плач, презренье —
все это знакомо нам, —
гнев, ненависть, плач, презренье,
и грусть, и святая злость:
все это в одно мгновенье с мерцаньем ливня слилось!

О время, живое время, глухое стремленье вод,
ведь ливень — он груб, но податлив,
он сникнет — и вновь польет, —
и вновь в водяном полете сплошного ливня стена
и молнии в небе чертят
слепящие письмена!

Свою стесненную душу отдам я движенью вод,
я сердце свое обрушу в гудящий водоворот,
он рощи все прополощет, даст жизнь он ветвям сухим,
в нем голос ревущей мощи,
он нежен и неукротим!

Но вот расточаются струи,
и я по следам их иду, —
должно быть, исчезнуть в пространстве
написано им на роду,
но если судьба их печальна,
но если судьба их горька,
я душу отдам изначальной
отраве бунтовщика!

Так бей в барабан, барабанщик, —
душу мою оглуши, —
правдив, величав и обманчив
трепещущий голос души!
Которая с тучами вровень
клубится над утлостью кровель,
где полнятся ливневой кровью
заоблачные ковши!

Перевод А. ГОЛЕМБЫ

Джошим УДДИН

ПИСЬМЕНАМИ КРОВИ

(Ленинград, Марсово поле)

Письменами крови писалась
Здесь история на века,
И любая малая малость
Нескончаемо велика.
И тому, у кого и нынче
Лишь надежда есть и борьба
С долей низкого, с долей нищей, —
Здесь прозренье дарит судьба.
Передышка нервам усталым —
И опять он идет вперед,
Не сгибаясь уже под старым
Деревянным крестом забот.
Он с собою несет отсюда
Негасимой звездой во мгле,
Как рожденье жизни, как чудо,
Обновление всей земле.
Он идет, покровы снимая
С тайн, что свет превращают в тьму.
Не легенда, а жизнь живая
Согревает сердце ему.
Принесет он мир и свободу
Тем, кто грезил об этом вчера,
Принесет он святую воду
Человечности и добра.

УЛЫБКА ЦВЕТКА

Пускай улыбкою цветка
Твой озарится взгляд.
Пускай и звезды и луна
Тебя благословят.
Пусть поле, став твоей судьбой,
Под ветром шелестит
И спутницею над тобой
Пусть радуга летит.

Перевод Р. КАЗАКОВОЙ

Шамсур РАХМАН

СКАЗКА О РАДЖЕ

Велик раджа, благословен и счастлив он стократ!
На всех дорогах у него полным-полно солдат!
На удивленье он богат —
Не счесть отар его и стад,
Слонов, коней, овец, коров,
Оружья, утвари, ковров,
Лишь горстки риса не найдет
В его стране голодный рот.
Велик раджа, благословен и счастлив он стократ!
— Указ раджи! Указ раджи! — глашатаи кричат.
Людей сгоняя, в барабан на площади стучат.
Указ гласит: пусть мой народ
Живет, закрыв глаза и рот
И повторяя: «Наш раджа благословен стократ!»
На кол посажен будет тот,
Кто речь иную поведет.
Тогда уж точно громче всех
Он завопит под царский смех:
— Велик раджа! Благословен и счастлив он стократ!..

СПЯТИЛ ОН, ЧТО ЛИ?

Никто не сможет вам сказать, как поздно он придет, —
В ботинках грязных, весь в пыли, в руке зажат блокнот.

С досадой скрипнет старый стул, вздохнет спросонья мать,
Устанет ветер на полу циновку обнимать.

А на циновке — сладкий рис и кислый маринад,
Горох и рыба в сухарях, подливка и шпинат.

Но, видно, начисто пропал у парня аппетит.
Забыв про ужин, до утра над книжками сидит.

Придвинут газовый фонарь, и в бережных руках
Три слова — Ленин, Энгельс, Маркс — горят на корешках.

И снова кажется ему — следит воочью он
В спокойном шелесте страниц могучий ход времен.

А утром наскоро поест, взъерошит чуб торчком
И вдруг заденет, уходя, о притолоку лбом.

«Как быстро вырос!» — мать всплакнет, и память прежних дней
Грустящей лебедью слетит тотчас в ладони к ней.

И с нежных крыл, как лепестки, как сонный лунный свет,
Кружась, на землю упадут виденья юных лет.

«Точь-в-точь как муж, — дивится мать, — высок и худ с лица,
Все в книгах роется, не спит, все бродит, весь в отца...»

«Опять на митинг? Спятил, что ль? — брюзжит старик сосед. —
Стыдись! Приходишь ты домой лишь с тем, чтоб съесть обед!

Безумец! — шепчет он вослед, качая головой. —
Лишь олух может тратить так короткий полдень свой!

Увянет жизнь, умрет душа, как розовый бутон, —
Вчера расцвел, а завтра, глядь, уж опадает он...»

Перевод Н. МАЛЬЦЕВОЙ

Ахмед МОНШУР

НЫНЧЕ СЦЕНЫ ТАКИЕ...

Разбушевалась стихия,
слово у жизни в долгу, —
нынче сцены такие
происходят на каждом шагу.
Пламени в душах наших
не сникнуть, не отгореть!
Этот огонь бесстрашья
пусть полыхает и впредь!
Нет, никакая слякоть
не сможет нас засосать:
нечего пятиться,
хныкать и плакать, —
время оковы рвать!
В телах голодных сегодня сила,
в ребрах — сталь,
в глазах — молнии яростный излом, —
гневная сила старье скосила,
серпом сразилась со старым злом!
Голосом возмущенья
полнится день труда,
в гневе речные пристани,
селенья и города.
В тревоге народ рабочий,
в тревоге селянский люд...
Нынче такие сцены
кругом происходят тут!
Пламени в душах наших
не сникнуть, не отгореть!
Этот огонь бесстрашья
пусть полыхает впредь!

Перевод А. ГОЛЕМБЫ

Суфия КАМАЛ

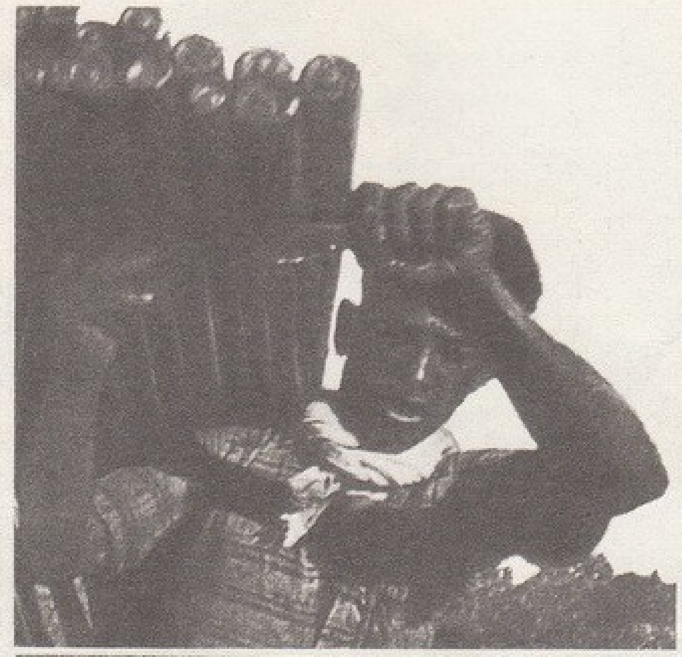
КОГДА НАСТУПИТ КОНЕЦ

После долгой ночи — новый восход,
После мрачных столетий — радость грядет,
А народ еще полумертв — поверь!
После многих усилий много потерь...
Мы идем по Раджпотху,
Орошенному кровью многих сердец.
Это пока начало...
Когда же наступит конец
Гнету, поборам, побоям,
Мискам для подаяний, —
Жить невозможно более
В полуживом состоянии.
Поэтому каждый стремится
Распрямиться!
Да, распрямиться —
Сбросив тяжкое бремя, —
Время настало, время
Конец положить
Эпидемиям, избиениям, разрушениям, наводнениям...
Наполнив Ноев ковчег,
Новая жизнь — новый век —
Человек —
Пробуждается для созидания.
Солнце, что скрыто еще в тумане,
С началом нового дня
Лучи разольет повсюду —
Совершит пробуждения чудо,
Сняв стражу мрака,
Кромешной глуши,
Озарит небеса души,
Они засветятся — алые, синие...
Надежда выносит невыносимое
В каждодневном своем ожидании:
Голод детей, матерей страдания...
Триумфальную арку соорудив,
Жизнь и смерть воедино слив,
Она, торжествующая, солнцеликая,
Свободу творит великую!

Перевод Е. НИКОЛАЕВСКОЙ

НЫНЕ В МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ ВОВЛЕЧЕНЫ ОГРОМНЫЕ МАССЫ, ПЕРЕД НИМИ ОТКРЫЛАСЬ РЕАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ САМИМ ОПРЕДЕЛЯТЬ СВОЮ СУДЬБУ.

(ИЗ ОБРАЩЕНИЯ «К НАРОДАМ МИРА»)











Народ строит, народ говорит «Нет!» войне во Вьетнаме, народ выступает за мирную политику в Европе, народ сражается и восстанавливает разрушенное, народ — за мирное сосуществование... Перед вами лишь несколько мгновений, выхваченных фотоаппаратом из калейдоскопа событий прошлого года. И все они, в каких бы странах мира ни происходили, свидетельствуют, что в конечном итоге побеждают то дело и та политика, которые поддерживаются широкими народными массами.

А. ПОЛТОРАК,
доктор юридических наук

ЧТОБЫ СПРАВЕДЛИВОЕ БЫЛО СИЛЬНЫМ

К шлагбауму, отделяющему территорию Германии от Голландии, медленно подъехал автомобиль. Каково же было удивление голландских пограничников, когда в одном из пассажиров они узнали Вильгельма II. Германский император искал убежища в Голландии.

Что же случилось? Что заставило Вильгельма II спасаться бегством? Неужто страх перед возмездием за прямое участие в развязывании мировой войны?

Но разве в истории были примеры, когда кого-либо привлекали к ответственности за агрессию? Разве не считалось общепризнанным право одного государства нападать на другое, захватывать чужую территорию полностью или частично и грабить ее? Увы, именно таков был уровень развития международного права к началу первой мировой войны. Право на войну считалось общепризнанным. А раз существовало такое право, следовательно, официально признавалось и право победителя на ограбление побежденного (для этого был придуман термин — «контрибуция»), на захват его территории (это назвали «аннексией»).

«Сила означает право» — таков был главный постулат империалистической международной политики, теорию и практику которой как нельзя более точно характеризует пессимистическое суждение, некогда высказанное Паскалем: «Справедливость является предметом споров. Силу легко узнать, она неоспорима. Вот почему не смогли сделать так, чтобы справедливое было сильным, а сделали сильное справедливым». Так было. И считалось, что так будет всегда.

Но в октябре 1917 года произошло событие, которое потрясло привычные представления. Декрет о мире — один из первых декретов Советской власти — провозгласил агрессивную войну «величайшим преступлением против человечества».

Идеи ленинского Декрета о мире, означавшие начало подлинного переворота в международных отношениях, встретили мощную поддержку народов. Именно под влиянием этих идей, под давлением общественного мнения в Версальский договор была вится фактором, который буржуазным политикам все труднее и труднее игнорировать. Оно внесло значительный вклад в борьбу Советского Союза за то, чтобы идеи Декрета о мире как закона национального нашли бы свое выражение в законе международном.

В период между двумя мировыми войнами требования общественности в большой степени способствовали принятию международных соглашений о запрете агрессивной войны. Под давлением народов Лига наций принимает одну за другой резолюции, осуждающие агрессию. В 1928 году человечество получило еще одно доказательство огромного успеха идей Декрета о мире, еще одно свидетельство растущей силы общественного мнения — был подписан пакт Келлога — Бриана, содержавший осуждение агрессивной войны.

Отныне империалистические агрессоры могли идти на риск войны только уже с петлей на шее.

Хорошо известно, что в ходе второй мировой войны в адрес агрессоров были сделаны торжественные предупреждения о неминуемом суде и наказании. И только чудовищное высокомерие гитлеровской клики, ее слепая вера в историческую безнаказанность агрессии (ведь Вильгельма II в конечном итоге не судили) позволили ей до поры до времени со смехом встречать предупреждение народов о грядущем возмездии.

Даже когда гитлеровские преступники были схвачены и посажены в тюрьму, они продолжали тешить себя надеждой, что неотвратимое не произойдет. До них доходили утверждения, что история не оправдает «расправу» с «беспомощными людьми», призывы к всепрощению, с которыми выступала реакция. Но вот несколько месяцев спустя во время Нюрнбергского процесса Геринга спросят, кого он считает наиболее опасным для себя в зале суда, кого из обвинителей или судей. И Геринг, не задумываясь, укажет не на судейский стол, не на прокуроров — он ткнет пальцем в галерею прессы. Старый политический проходимец понимал, что информированное прессой общественное мнение не позволит выдать индульгенцию фашизму.

включена статья 227 о предании суду германского императора Вильгельма II.

1920 год. Вооруженная интервенция против молодой Советской России потерпела сокрушительное поражение. Но у международной реакции остался последний шанс. Антанта бросила на Советскую страну панскую Польшу. Правящие круги Англии рассчитывали на то, что таким путем удастся начать новый тур интервенции. Надеялись на это и руководители Польши, призывавшие Англию и Францию к военной интервенции.

Надеялись напрасно.

По всей Европе под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» прокатилась мощная волна протеста.

Уинстон Черчилль, в те годы военный министр, позднее писал, что общественное мнение в Англии и во Франции оказалось столь сильным и широким, что сделало невозможной всякую военную интервенцию. «Ничего не оставалось, — сетовал Черчилль, — кроме слов и бессильных жестов... Под давлением общественного мнения Ллойд Джордж был вынужден уведомить польское правительство, что... британское правительство не сможет предпринять активных действий против Советской России».

Да, времена изменились. И Черчиллю оставалось лишь сокрушаться о том, что господствовавшая испокон веков формула «Народ безмолвствует» дала сильную трещину.

В течение столетий эксплуататорские классы делали все, чтобы не допустить вмешательства народов во внешнюю политику. «Народ безмолвствует» — такое положение больше всего устраивало буржуазию. В. И. Ленин в 1918 году писал, что «историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью».

Вся история человечества после Великого Октября — убедительная иллюстрация того, как радикально стал меняться мир. Эти изменения означали, что Октябрьская революция не только сорвала с империалистической дипломатии все покровы, создала новую, открытую дипломатию, но и привлекла народ как к формулированию ее целей, так и к ее практическому осуществлению.

Именно после Октября мировое общественное мнение становится фактором...

Любопытно заметить, что в самом конце войны правящие круги США и Англии сделали попытку сорвать проведение судебного процесса над главными военными преступниками — слишком велика была опасность разоблачения на таком публичном процессе империалистической политики вообще. «Расстрелять их без всякого суда и следствия» — таково было мнение тех, кто хотел избежать гласного суда над главарями фашизма.

Это была попытка скрыть правду о подготовке второй мировой войны и таким образом лишить народы мощного оружия в борьбе с агрессией. Всесокрушающим протестом ответило мировое общественное мнение на ухищрения реакции. Я помню, как главный американский обвинитель на Нюрнбергском процессе Джексон вынужден был признать: «Мир потребовал немедленных действий...» И Нюрнбергский процесс состоялся. Трудно переоценить значение, которое имел этот процесс, во многом идейно вооруживший мировое общественное мнение в его борьбе с агрессией, для того, чтобы справедливое сделать сильным.

После разгрома гитлеровской Германии, получив могучую опору в лице мировой системы социализма, международное общественное мнение стало оказывать все возрастающее влияние на ход исторических событий. Рост этого влияния стал одной из закономерностей современной эпохи. И процесс этот неотвратим. Он все отчетливее прослеживается в заключенных за последнее время соглашениях, все активнее определяет сам стиль международных отношений.

Как известно, одной из важных послевоенных проблем явилась проблема разоружения и запрещения средств массового уничтожения.

Мировое общественное мнение, опираясь на поддержку СССР, других социалистических стран, решительно выступило с требованием запрещения атомного и термоядерного оружия. Позиция мировой общественности нашла свое выражение в известном Стокгольмском воззвании. В течение многих лет мировая общественность вела борьбу в рамках этого воззвания. И эта борьба увенчалась большим успехом.

В 1961 году XVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию о запрещении ядерного оружия. И можно считать великим знамением времени, что формулировка этой резо-



люции по своей квалификации совпадает с формулировкой Стокгольмского воззвания.

Большой успех сопутствовал усилиям мировой общественности в ее борьбе за запрещение испытаний ядерного оружия. Московский договор 1963 года о запрещении ядерных испытаний в трех сферах оказался еще одним свидетельством возросших возможностей мировой общественности.

Да, безвозвратно ушли в прошлое времена, когда народы играли роль пешек на шахматной доске внешней политики. Не было в мире после второй мировой войны ни одного вооруженного конфликта, на ход и исход которого не повлияло бы мировое общественное мнение. Так было во время американской агрессии в Корее, когда агрессор вынужден был в определенной степени и под давлением общественного мнения отказаться от своих империалистических планов в этой стране. Так было во время англо-франко-израильской агрессии против Египта. И конечно же, апофеозом растущей роли мирового общественного мнения в международной политике явился тот вклад, который оно внесло в борьбу против американской агрессии во Вьетнаме.

Какая разительная картина! Нападая на Вьетнам, агрессор ставил перед собой самые широкие захватнические цели. А в итоге? Как дым рассеялись надежды агрессоров. И в Париже пришлось подписать соглашения, в которых черным по белому записано, что США будут уважать «право южновьетнамского народа на самоопределение», что между США и ДРВ будут установлены новые отношения «на основе уважения независимости и суверенитета, а также невмешательства во внутренние дела друг друга».

Кончились времена, когда империализм мог неограниченно распоряжаться судьбами мира. На его пути неодолимой преградой поднялись три основные революционные силы современности — социализм, международное рабочее движение и национально-освободительная борьба народов. Агрессивные войны перестали быть лишь диалогами между нападающей и обороняющейся сторонами, лишь турнирами, в которых есть сражающиеся и есть наблюдающая за сражением публика.

Война во Вьетнаме всколыхнула весь мир. Малая страна подверглась разбойному нападению. Чувство справедливости не могло оставить другие народы безразличными к этой трагедии.

История войн еще не знала такого случая, чтобы агрессор в течение ряда лет вел войну и одновременно — мирные переговоры с жертвой агрессии. Но именно это имело место во вьетнамской эпопее: в течение четырех лет США вели войну во Вьетнаме, и одновременно делегация этой страны в Париже вела переговоры о заключении мира. Феномен?

Отнюдь нет. Американская агрессия против народов Индокитая вызвала такой гнев во всем мире, такое возмущение в самом американском народе, а требования мировой общественности о прекращении войны были настолько внушительными, что американская дипломатия оказалась как тяжелым прессом прикованной к столу мирных переговоров в парижском особняке на авеню Клебер.

Мне не раз приходилось встречаться с видными представителями американской общественности, со многими юристами, в том числе совсем недавно занимавшими солидные посты в госдепартаменте. И это весьма показательно, что в США был создан «Комитет американских юристов по Вьетнаму», который многие годы вел ожесточенную борьбу за разоблачение американской агрессии в Индокитае.

Усилиями этого комитета был составлен доклад, содержавший весьма убедительную юридическую квалификацию американской агрессии. «Это, видимо, необычно, — указано в предисловии к докладу, изданному отдельной книгой, — когда группа юристов-международников посвятила себя задаче доказать, что их собственное правительство ведет войну в нарушение международного права».

Какими же соображениями руководствовались его авторы? Отвечая на этот вопрос, председатель консультативного совета «Комитета американских юристов по Вьетнаму» профессор Ричард Фолк отмечает в упомянутом предисловии: «На данном этапе человеческой истории представляется наивысшим выражением патриотизма выступить против собственного правительства, когда оно погружается в незаконные действия в области внешней политики. Беззаконие в вопросах войны угрожает благополучию всего мира, включая собственное общество». Разве самый факт такого заявления не является ярким свидетельством не только неизмеримо усилившейся активности мирового общественного мнения, но и принципиально новых черт, характеризующих антивоенные выступления граждан той страны, которая развязала агрессивную войну?

Хорошо известно, сколь тяжкие военные преступления совершали американские вооруженные силы в войне против народов Индокитая. В сущности, эти преступления, являясь составной и неотъемлемой частью военной стратегии агрессоров, стали одним из средств достижения их преступных целей.

И разве не знамением времени было создание во многих странах мира различных комиссий по расследованию военных преступлений агрессоров в Индокитае, организация Международной комиссии? Об этом уже много писалось.

Но мне хочется остановиться на том, что, в общем-то, весьма необычно.

Передо мной лежит газета «Нью-Йорк таймс» от 18 марта 1970 года. Фотография, на которой изображены руководители американской армии Уэстморленд, Резор и генерал Пирс. Через всю полосу слова: «Армия обвиняет!» В газете сообщается о создании специальной комиссии для расследования преступлений американских военнослужащих в Сонгми. Арестованы не только низшие чины, расследование ведется и в отношении нескольких генералов и полковников.

Что это такое? Искреннее желание выявить виновников и примерно наказать их? Отнюдь нет. Но что же это?

Ответ на этот вопрос следует искать опять-таки в том мощном движении протеста, которое охватило народы мира, возмущенные преступлениями в Сонгми. Самый факт создания след-

ственной комиссии свидетельствовал о. стремлении таким путем сгладить бурю общественного негодования.

С каждым годом усиливается влияние мирового общественного мнения на решение важнейших вопросов международной политики. Оно стало постоянно действующим фактором этой политики.

Что же является определяющим в усилиях мирового общественного мнения? В чем его сила?

В первую очередь в том, что мировое общественное мнение аккумулирует в себе подлинные интересы человечества, что оно опирается на такой решающий и могучий фактор современности, каким является социалистическая система, что политике вражды между народами оно противопоставляет политику дружбы, политике войны и разрушения — политику мира и сотрудничества народов. Сила мирового общественного мнения также и в том, что его требования и призывы полностью совпадают с прогрессивными принципами международного права и особенно Устава ООН.

В самом деле, борясь за мир, против империалистической агрессии, мировое общественное мнение исходит из того, что согласно Уставу ООН война как средство политики запрещена и что главной целью ООН является сохранение и упрочение мира.

Любая акция сторонников мира — будь ли это борьба против агрессии или протест против иностранного вмешательства, требования о сокращении вооружения и запрещении средств массового истребления — неизменно опирается на принципы и нормы международного права, ибо последнее провозглашает агрессию преступлением, запрещает вмешательство и считает своим долгом способствовать разоружению. Однако прогрессивная роль мирового общественного мнения, стоящего на страже прогрессивных принципов современного международного права, этим не ограничивается.

Хорошо известно, что развитие разрушительных средств ведения войны, особенно в эпоху современной научно-технической революции, намного опережает запретительные нормы международного права. В результате агрессор, прибегая к тем или иным новым бесчеловечным средствам ведения войны, стремится найти оправдание в ссылках на то, что не существует специальных норм международного права, которые их запрещают.

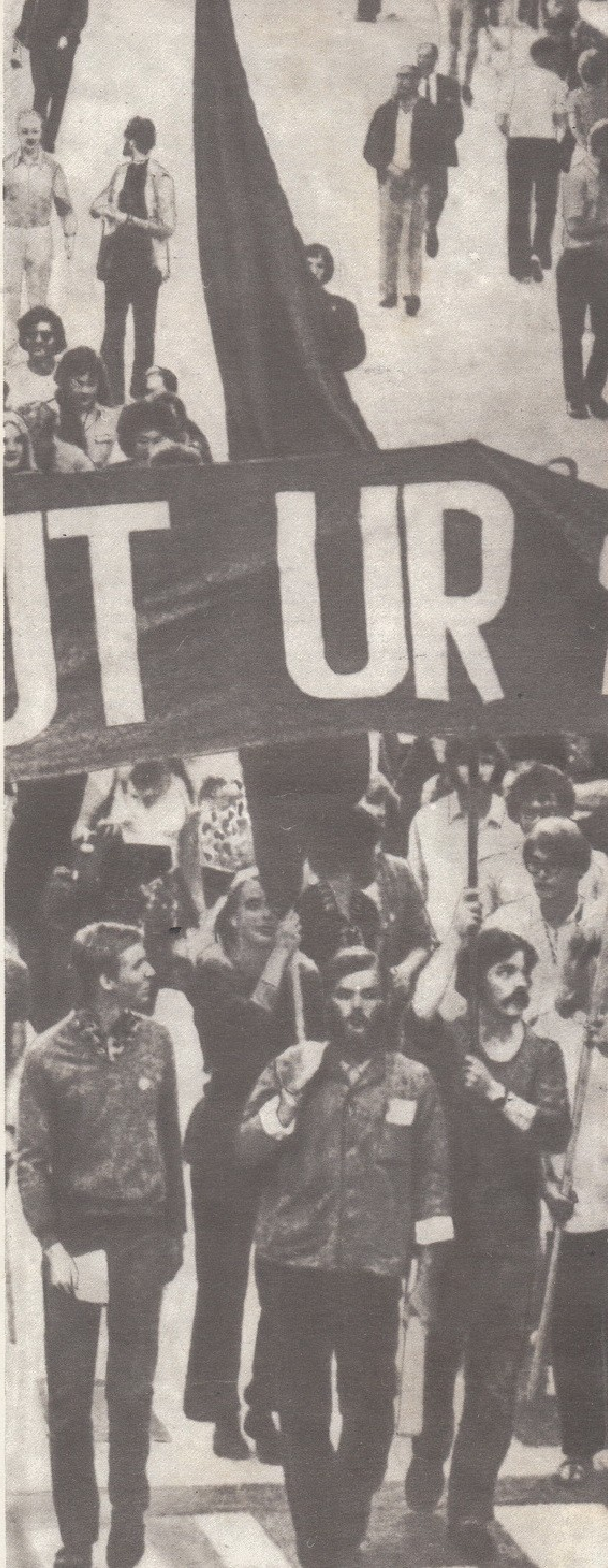
Большая заслуга мирового общественного мнения в том, что оно не только разоблачает подобные попытки узаконить произвол, но выступает инициатором принятия новых договоров и соглашений гуманного характера. Хорошо известно, например, что в ходе войны в Индокитае агрессор прибег к новому преступлению — экоциду. Запрещение такого способа войны в международном праве еще не разработано. И разве это не свидетельство бдительности мирового общественного мнения, что именно в недрах движения противников войны родился проект конвенции о запрещении экоцида?

На Западе среди других модных теорий получила хождение теория «морального отставания», в основе которой — утверждение, что нравственный уровень людей с каждым годом все более и более отстает от бурного развития науки и техники. При этом «нравственное отставание» представляется неизбежным и даже фаталистическим. Так, в сущности, делается попытка морально обезоружить народы в их борьбе с империалистической реакцией.

Но лучшим опровержением этой теории «морального отставания» служит огромный размах движения народов за мир, за демократию, за прогресс, самоотверженность участников этого движения и его большие успехи. Яркое опровержение этой теории — растущая роль мирового общественного мнения в решении важнейших проблем современности, в достижении того общественного идеала, который освобождает человеческий прогресс от необходимости, как говорил К. Маркс, «уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых».

Современное мировое общественное мнение отражает возросший уровень политической сознательности народов, раскрывает понимание той опасности, которая проистекает из политического безразличия масс и демонстрирует миру готовность нового человека самоотверженно бороться за мир и справедливость, против войны и вражды между народами. Огромная нравственная сила, которая заложена в мировом общественном мнении, как раз и состоит в том, что психология индивидуализма все больше уступает место психологии интернационализма. Известный философ Иосиф Дицген говорил, что «степенью общественной солидарности измеряется высшее или низшее состояние нравственности».

Мы живем в век, когда именно международная солидарность занимает все большее место в отношениях между народами, когда эта солидарность является главной питательной почвой мирового общественного мнения. И в этом его сила.



ПОТОМУ И ПРИШЛА

Стефан ПРОДЕВ, болгарский журналист

Строки, которые вы прочтете, написаны мною осенью 1972 года, в те страшные дни, когда на изувеченной вьетнамской земле люди могли только мечтать о том, какой она станет в дни мира. И эта мечта была свидетельством великого оптимизма и великого мужества. Сегодня, когда братская помощь Советского Союза и других социалистических стран поднимает демократический Вьетнам из руин, я снова в этой стране. Своими глазами я вижу, как мужественно залечивает вьетнамский народ раны войны, как возрождается вьетнамская экономика, как новые родники самоотверженности и энтузиазма раскрывает в своих недрах эта героическая нация. И в дни войны, и сейчас, в дни мира, Демократическая Республика Вьетнам достойна восхищения всех честных людей земли. Победив бомбовый ад, она уверенно смотрит в завтра, верная своей социалистической миссии в Индокитае и сильная интернациональной солидарностью.

К подвигу мирного строительства народ Вьетнама готовился уже в те дни, когда из-под крыльев «летающих крепостей» на его землю низвергались смерть и разрушения. И потому я убежден, что отрывки из моих вьетнамских репортажей 1972 года, которые редакция «Ровесника» предлагает своим читателям, вовсе не устарели. В них не только боль прошлого, но и вера в будущее, нашедшая сегодня волнующее подтверждение.

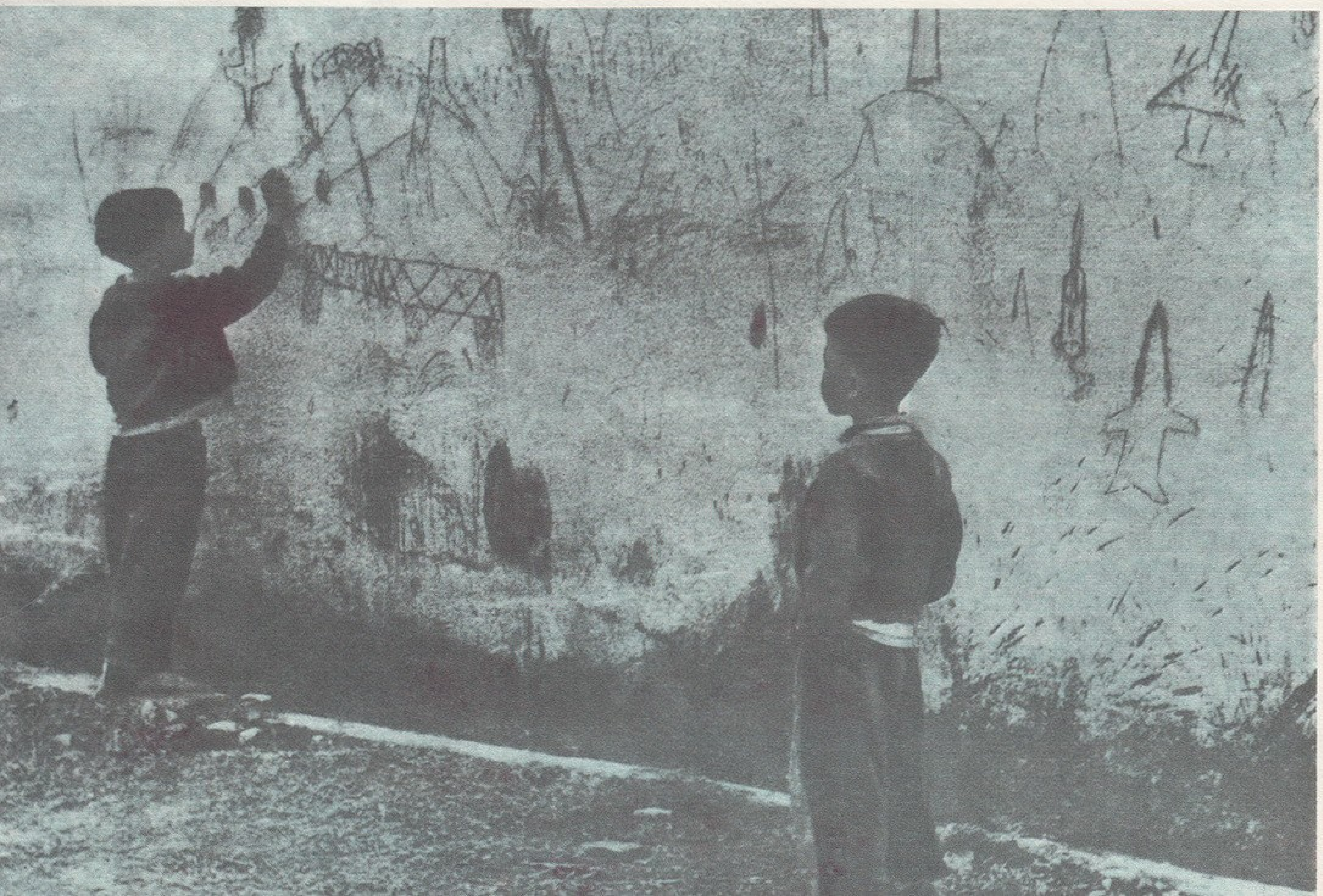
Ханой, апрель 1973 года

Вы читаете газеты и смотрите телевизор. Вы знаете, что на Вьетнам падают бомбы. Что там, далеко, за тридевять земель, за морями, за реками, в джунглях, героический народ отстаивает свою свободу. Много лет подряд не дает нам покоя вьетнамская тема, и в сердце нашем одновременно сострадание и восхищение. Бесчисленные фотографии, киноленты, зарисовки и статьи создали представление об испепеленной стране, о потоках слез и крови, о борьбе без пощады. Все это верно. Но все-таки рассказ о страданиях не есть вся правда о Вьетнаме. Там все гораздо сложнее и величественнее, чем кажется на первый взгляд.

Не только бомбы падают на землю Вьетнама. Падают и самолеты. Здесь не только рыдания. Здесь и песни. Здесь колыбелей и родильных домов гораздо больше, чем кладбищ. Назло вою сирен и взрывам бомб эта земля живет, живет, как никогда, до сих пор. И хотя с неба обрушивается смертоносный металл, люди работают, любят, мечтают. Сила жизни здесь мощнее самой смерти. В бомбоубежищах, порой чисто символических, не слышно стонов, не чувствуется отчаяния и паники. Как на земле, так и под землей Вьетнам читает, решает задачи, стоит у станков.

Это обычные трудовые будни народа, который, несмотря ни на что, знает, ради чего ему жить и умирать.

Если вы думаете, что Ханой — это город слез, что в нем остановилась жизнь, вы заблуждаетесь. Ханой не выставляет напоказ свою трагедию. И вчера и сегодня я видел его полным сил, готовым сражаться и строить.



ПОБЕДА...

ПОБЕДА ВЬЕТНАМА ГОВОРИТ О ТОМ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ОДОЛЕТЬ НАРОД, КОТОРЫЙ БОРЕТСЯ ЗА СВОЮ СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ, ОПИРАЯСЬ НА МОГУЧУЮ ПОДДЕРЖКУ БРАТЬЕВ ПО КЛАССУ, ВСЕХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ НА ЗЕМЛЕ. ТАКОЙ НАРОД НЕПОБЕДИМ.

(Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на обеде в честь членов делегации ДРВ, принимавшей участие в подписании Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме)

Да, действительно, пока я находился там, кинотеатры не работали. Зато все магазины были открыты. Мне говорили, что бо́льшая часть учреждений эвакуирована, но от этого улицы вовсе не стали пустыннее.

Несмотря на сирены и бомбы, книжные магазины продавали книги, цветочные — цветы, торговались старушки, играли в шашки велорикши, а дети бегали вдоль озера, купаясь в солнечном свете и струях дождя.

Даже парикмахеры не прекращали своей работы, и все так же длинны были очереди за кружкой пива.

Единственным, что нарушало время от времени привычное течение жизни, были громкоговорители, которые сообщали о приближении американских самолетов. Иногда мерный военный голос диктора прерывали далекие взрывы бомб или внезапные залпы зенитной артиллерии.

И тогда Ханой слезал с велосипедов, оставлял корзины с зеленью, собирал своих детей и скрывался в бомбоубежищах. В эти минуты он напоминал мне Мадрид 1937 года, описанный во фронтовых репортажах Кольцова и Эренбурга. Здесь я ощутил то же спокойствие, ту же дисциплину, ту же готовность к самопожертвованию. И то же чувство бессмертного «Венсеремос!» — «Мы победим!», что по-вьетнамски звучит «Тюнг той ше тханг!».

Однажды тревога застала меня прямо под открытым небом. Мы были неподалеку от постоянной экспозиции преступлений агрессоров во Вьетнаме. Еще несколько минут назад мы рассматривали различные виды бомб и мин, которыми уничтожали вьетнамские города и села. Сейчас мы сами должны были остерегаться их. Пришлось укрыться в одном из городских бомбоубежищ. Земля содрогнулась. Где-то поблизости взвилась ракета.

Я ожидал, что в глубоком тесном подземелье увижу массу народа, беспорядок, испуганные лица. Ничего похожего. На поставленных в два ряда скамейках мирно сидели люди. Словно в трамвае. Мужчины читали газеты, дети рассматривали какие-то красочные журналы, а женщины тихо переговаривались между собой.

Улица продолжала жить и под землей. Только когда канонада усиливалась, все поднимали глаза к потолку, тихий шепот прекращался. И ничего больше.

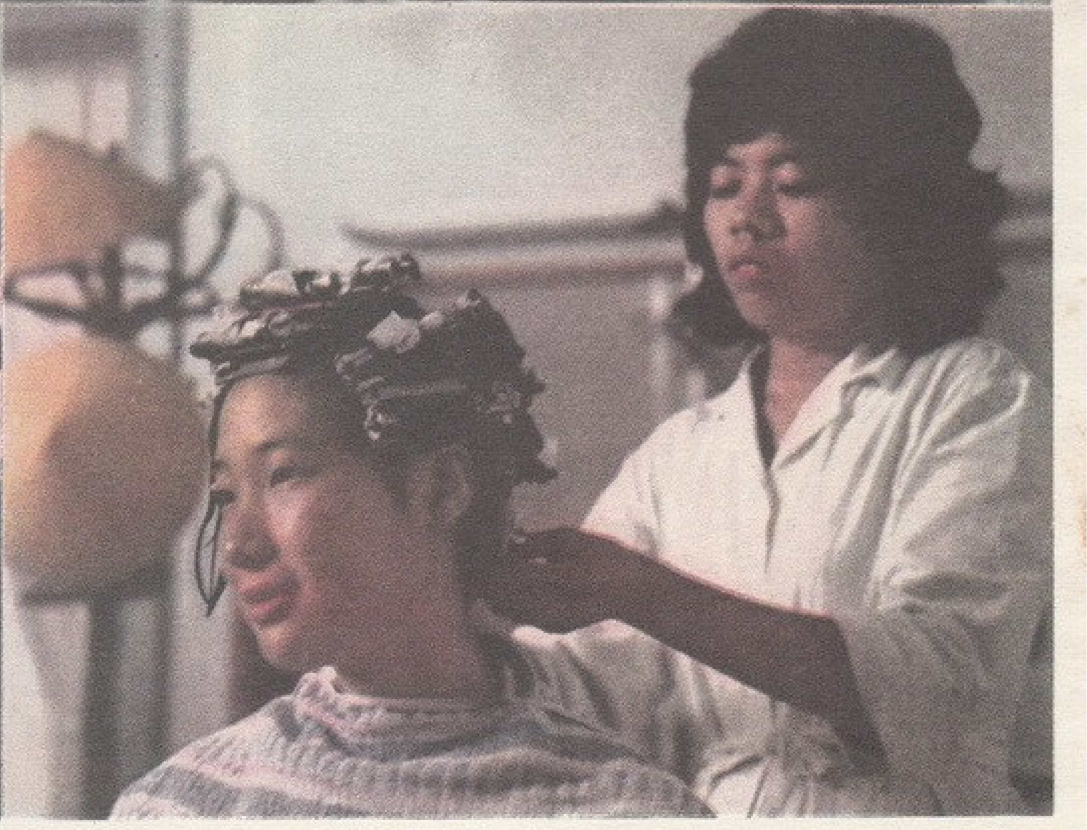
Через мгновение «трамвай» снова читал, рассказывал, шутил. Может, кто-то подумает, что бомбоубежище, куда мы попали, было глубоким, ультрасовременным, надежным. Вовсе нет. Это было типичное ханойское бомбоубежище с цементным покрытием и кучей камней сверху. Одного точного попадания было бы достаточно, чтобы превратить его в могилу.

Не только бомбы падали на землю Вьетнама. Падали и самолеты...









Но людей это, видимо, не страшило. Они знали: Ханой — это фронт, и вели себя как бойцы. Большинство из них давно побороло в себе страх перед бомбами. Тот мерзкий тайный страх, который рождает панику. Поэтому, когда один старик затыкал уши, чтобы не слышать взрывов, «трамвай» разражался хохотом. Смеялся и я. Не потому, что хотел подтрунить над стариком, а чтобы самому не стать объектом для шуток. Ведь здесь каждая слабость вызывала иронию. А уж вьетнамцы, боже упаси, если они начнут иронизировать...

Солдатское спокойствие Ханоя чувствуется повсюду. Не раз, когда самолеты появлялись над городом, какой-нибудь запоздавший рикша продолжал крутить педали. Клиенты спешат, и он не может бросить их на полпути.

Часто укрытия оказывались тесными, и много людей оставалось на улице. Тогда они собирались под кроной какого-нибудь большого дерева и терпеливо ждали отбоя. Совсем нередки были случаи, когда в небе рвались снаряды, а в ресторане «Метрополь» продолжали обслуживать посетителей. «Суп невкусен,

когда он холодный», — совершенно серьезно говорили кельнеры. Даже когда падали бомбы и вздымалась земля, любопытные задирали голову, чтобы увидеть из своих индивидуальных окопов, как ракеты догоняют «фантомы»...

«У этих людей что-то не в порядке с инстинктом самосохранения», — сказал мне совсем не шутя один шведский журналист. Коллега был не прав. Эти люди просто привыкли к войне. Год за годом они живут рядом с ней. Многие из них родились среди ее пламени.

Пока Европа воевала за короткие мини-юбки у женщин и длинные волосы у мужчин, здесь велась война за жизнь целого народа. Здесь не взрываются бомбы газетных сенсаций. Здесь рвутся настоящие бомбы, наполненные тротилом и напалмом. Вот почему люди Ханоя удивляют шведского журналиста (да и разве его одного!) своим спокойствием. У них все в порядке с инстинктом самосохранения. Они просто сознательно подавили его в себе. Навык видеть смерть и так часто бороться с нею дисциплинировал их, изгнал из психики все, что могло бы бросить человека во власть ужасов, которые принесли на своих крыльях американские самолеты.

«Мы сильнее бомб» — вот их философия. Может быть, жестокая, но необходимая.

Ведь вера — это тоже своего рода инстинкт.

В день национального праздника Вьетнама я был принят товарищем Чан Зуй Хынгом, председателем городского народного совета Ханоя. Только несколько часов назад северные окраины были подвергнуты продолжительной бомбардировке. Войну не интересовали праздники. Она окропила кровью многие трапезы.

Я настроился на короткий и тяжелый разговор. Думал, у председателя будет плохое настроение. Но этот пожилой человек вовсе и не собирался рассказывать мне что-либо страшное.

Поговорив немного о прошлом Ханоя, он отпил несколько глотков чая и перешел прямо к будущему. «Настоящее ясно!» — лаконично сказал мой хозяин с заметной горечью в голосе. И, словно чтобы подкрепить его слова о «настоящем», отключилось электричество. Погасли лампы, тяжелые лопасти вентилятора повисли, как банановые листья в раскаленном воздухе.

Но этой маленькой «провокации» не удалось прервать рассказ Чан Зуй Хынга о будущем. Больше часа он мечтал со мной вслух о будущем Ханоя. Мечтал о городе из стекла и алюминия, утопающем в свете и тропической зелени. О городе, спасенном от вод Красной реки, полном веселых и довольных людей.

Председатель говорил тихо, но вдохновенно и так конкретно, словно все это было вопросом ближайших дней, а не лет. Он отчетливо видел новые жилые комплексы, широкие бульвары, мавзолей Хо Ши Мина, видел культурный центр, индустриальные кварталы, телевизионную башню, современные магазины и рынки.

Он без страха и сомнения рисовал далекое, но такое радужное будущее своей столицы. «Мы сделаем наш Ханой таким же красивым, как София, дорогой друг», — говорил председатель, и в его воображении одна картина сменяла другую.

Я увлеченно слушал и на время забывал сегодняшнюю судьбу города. Забывал о сиренах и бомбах, разрушенных жилищах и погибших людях. У меня было чувство, что Ханой преображается на моих глазах, старый Хынг не мечтает, а рукой указывает туда, за окно.

Наверное, это чувство не оставило бы меня еще долго, если бы там, низко над крышами, не промчались с ревом несколько вьетнамских истребителей. Война шла, несмотря на желание Чан Зуй Хынга забыть о ней хоть на миг. Оглушенный грохотом, он смотрел на меня своими добрыми, немного печальными глазами и смущенно улыбался. Может быть, думал, что я считаю его фантазером. Он не знал, что сейчас я думал совсем об ином. Он и не подозревал, что его мечта станет для меня самым реальным символом, который я увезу с собой из военного Ханоя. Ибо в этой жизнеутверждающей мечте, по-моему, и заключается источник силы борющегося Вьетнама...

После встречи с товарищем Хынгом я записал в блокноте: «Независимо от всего Ханой мечтает — и это чудесно!»

Записал эти слова не задумываясь, не ища особых выражений или образов. В нашей профессии это случается редко.

И действительно, независимо от всего Ханой жив, Ханой мечтает. Это должны знать не только те, кто хочет стереть его с лица земли, но и те, кто его оплакивает!

Рассказ о вьетнамских городах никогда не будет полным, если не упомянуть Хайфон. Здесь, в этом старом порту, существовавшем еще во времена Марко Поло, изрядно «поработали» B-52.

Как известно, эти восьмимоторные гиганты вмещают в своем чреве 30 тонн бомб самого различного калибра. Обычно они пролетают на высоте 10 тысяч метров и их не интересуют конкретные цели. Их задача — тотальное уничтожение всего, что лежит под крылом. Я своими глазами видел, что это значит...

Первый удар по Хайфону был нанесен 16 апреля 1972 года в 2 часа 15 минут ночи. Квартал Тхыонг Ли и деревня Фуклок перестали существовать.

Второй удар последовал позднее, в 10.15 утра. Перестал существовать густонаселенный рабочий район «Бамбуковый мост».

Третий пришелся на 15 часов. И жертвой стал квартал Ха Ли.

Это было только начало. Бомбардировка следовала за бомбардировкой. Я сам насчитал 131 налет. Над Хайфоном прошло 1208 самолетов. Они сбросили 2589 бомб по 200 килограммов, 253 бомбы-контейнера, выпустили 229 ракет и 1444 снаряда. Более 500 мест в кварталах и пригородах стали объектом воздушных атак. 43 квартала были превращены в развалины.

Когда эти данные сообщили бывшему министру юстиции США Рамсею Кларку и Джейн Фонда, приехавшим в Ханой, они долгое время не хотели верить. Или, точнее, не могли поверить...

Я как-то писал, что Хайфон напоминает мне Ниццу. Теперь он был похож на Содом. Два самых шумных квартала города — Верхний Ли и Нижний Ли — были сровнены с землей. На месте оживленных улочек с висящими под крышами фонариками и пестрыми магазинчиками «для всего» простиралось обезлюдевшее, устланное кирпичом поле. В каналах маячили развороченные катера и джонки, быстро покрывающиеся ржавчиной и стеблями какой-то дикой травы. Здесь B-52 наглядно демонстрировали весь ужас бомбардировок «по квадратам».

Выстроившись как на параде, крылом к крылу, они сбросили тысячи стокилограммовых бомб на площадь всего в несколько квадратных километров.

Очень часто в одну и ту же воронку попадало 3—4 бомбы. По рассказам очевидцев, целые кварталы внезапно взлетали в воздух, что создавало иллюзию взрывов из-под земли, а не атак с неба.

«У меня было чувство, — говорил один из видевших это, — что все улицы и дома заминированы, а управляют взрывами из одного пункта». Я слушал и думал, что же погребено под руинами. В одном месте группа спасателей доставала из-под земли мешки со сгнившим рисом. Запах был ужасен. На некоторых мешках виднелись большие коричневые пятна. Пахло смертью...

В Хайфоне на каждом шагу обнаруживаешь что-то страшное. B-52, да и не только они, оставили свои следы всюду.

Не могу забыть один, в общем-то, не подвергшийся бомбардировке квартал, который пересекала широкая кирпичная просека. Длиною в несколько километров и шириною в 15—20 метров, она как бы прочертила на земле трассу одного из восьмимоторных гигантов. Отделившись неизвестно зачем от общего строя эскадрильи, гигант перерезал квартал надвое. Таких «бульваров смерти» в Хайфоне много. Они зияют на теле города, как огромные незаживающие раны, из которых струится гнойная дождевая вода. Увидев одну из таких ран, американский журналист Джозеф Крафт сказал: «Мне стыдно, что я американец!»

И все же и здесь, как и в Ханое, как и в других городах, дух людей оказался сильнее шквала уничтожения.

В Намдине мне показали ресторан и магазины под землей. «Выдержим во что бы то ни стало», — говорили хозяева. В Тхайбине усиленно готовились к учебному году. Дети покупали бутылочки с чернилами и плели огромные соломенные шляпы от шариковых бомб. В Хайфоне круглосуточно работал машиностроительный завод. Разрушенные стены цехов были заменены брезентовыми полотнищами. Здоровые и живые, не теряя ни минуты, заменяли раненых и мертвых. Даже когда, казалось, все потеряно, жизнь продолжалась. Эвакуированное предприятие по производству чесучи «Шонг Нинь» заменило металлические станки деревянными: деревянные оси, деревянные зубчатые колеса, деревянные поршни. Во многих местах эвакуированные больницы расположились в соломенных хижинах. Я видел операционные с глиняным полом и газовыми лампами. Но всюду я встречал трогательную, или, точнее, военную, решимость победить. И веру. Гордое «Тюнг той ше тханг!» («Мы победим!») звучало повсюду. Не как лозунг, а как клятва. Меня просили во многих местах: «Передайте товарищам, мы не устанем!» Просили женщины, рожавшие в бомбовом аду. Просили врачи, не спавшие несколько ночей подряд. Просили рабочие, потерявшие руки. Просили даже растущие вдоль дороги деревья с обуглившимися ветвями и перебитыми стволами. Просил весь Вьетнам, израненный, но живой, развороченный 26 миллионами бомбовых воронок, не разгибающий свою промокшую спину среди рисовых полей.

Я смотрел, слушал, и душа моя наполнялась невыразимым волнением. Я понимал, что прикоснулся к чему-то великому. Когда я рассматривал деревянные машины на «Шонг Нине», директор сказал, что пишет песни и пьесы для своих работниц. «Зачем?» — не подумав, спросил я. «Чтобы развеять их в тяжелую минуту».

Я посмотрел в его узкие темные глаза и покраснел от смущения. Я считал, что хорошо узнал Вьетнам. А в действительности?

Трудно постичь меру страданий народа, сотворившего чудо...

Перевел с болгарского В. МИЛЮТЕНКО



СЕКРЕТНЫЕ ВОРОТА КИТАЯ

«РАЗЫСКИВАЮТСЯ РОДСТВЕННИКИ. Сообщите о сестре Цзю Юэ-син, ранее проживавшей в деревне севернее станции Наньган, уже давно живущему здесь Хуан Юэ-куаню.

Внимание, односельчане! Дядюшка Ши и дядюшка Я сообщают вам, что девушка, которая раньше здесь никогда не жила, их племянница Хо.

Лун Мынь-ма ждет встречи с бежавшим здесь».

Щит с такими объявлениями прибит к дереву в деревушке, что рядом с Гонконгом, расположенном в шести часах (это если вплавь и если повезет с погодой) от континентального Китая.

Жан де ВАЛС,
французский журналист

Тот, кто, путешествуя по Дальнему Востоку между Индокитаем, английской колонией Гонконг, португальской провинцией Макао, островом Формоза (Тайвань. — *Ред.*), обладает талантом на встречи, того ожидают необыкновенные истории.

Гонконг расположен у восточного устья Жемчужной реки (Сицзян. — *Ред.*), которая, огибая Кантон, образует обширный лиман. Напротив Гонконга, на континенте, Коулун — тоже британская колония. Из 4,5 миллиона жителей 30 тысяч европейцев.

С Чжан Ли-ляном я познакомился на пароме, который совершает рейсы между Гонконгом и Коулуном. Пузатые джонки с парусами, похожими на надкрылья громадных жуков, проплывали мимо стоящих на якоре военных кораблей. Сзади, на мысе Гонконг, возвышались дома богатых китайцев. Небо было серым, как подбрюшье чайки.

Я читал французскую книжку, видимо, поэтому Чжан и подошел ко мне. Разговорились. Я не скрывал, что пишу книгу о Дальнем Востоке. Чжан достал визитную карточку и ждал, что я сделаю то же самое. У меня ее не было. Он рассмеялся.

— Ах, забыл! Вы, европейцы, не придаете этому значения. А здесь у каждого альбом, где в образцовом порядке хранятся эти карточки, собираемые всю жизнь...

Спустя три дня я позвонил Чжану, но к телефону никто не подошел. Я собрался было выйти из отеля и уже пересекал холл, где бесплотными тенями скользят китайские горничные в платьях с большим разрезом, как он внезапно предстал передо мной.

— Я жду вас, — сказал Чжан, улыбаясь. — Мне известно, что вы собирались уйти именно в это время.

— Каким образом?

— Давайте договоримся. Вы меня заинтересовали... Скорее ваша книга.

— Что вам угодно? — резко спросил я.

Несколько театрально Чжан приблизил ко мне лицо.

— Показать вам кое-что.

Был ли он сумасшедшим или мистификатором? А может, ни тем, ни другим? Я решил принять участие в игре.

— Когда же приступим? — спросил я с улыбкой.

Китаец засмеялся.

— Сегодня после полудня. Между 4 и 6 часами. Мне известно, что вы не заняты.

Он был прав. Дел у меня не было.

Проведенная с Чжаном вторая половина дня оказалась плодотворной.

Я уже знал, что китайцы могут свободно ездить из Гонконга в КНР (ежегодно это делает около 60 тысяч человек). Для этого достаточно лишь удостоверения личности. Путешественники проходят по мосту Лоу — границе между Гонконгом и континентальным Китаем. Их багаж тщательно проверяют. Затем они садятся на поезд, который везет их в Кантон.

Для меня, однако, стало новостью, что границу можно перейти и из Китая — по фальшивым удостоверениям.

— Я помогу вам узнать, как это делается, — сказал Чжан.

— Когда? — спросил я с энтузиазмом. — Завтра?

Чжан изучал меня добрую минуту. Затем произнес:

— Сейчас.

Затем, быстро набрав номер телефона, бросил в трубку несколько слов по-китайски, и... в комнату вошла мадам Ли.

Мадам Ли — толстая старая китаянка, одетая в черное. Традиционные куртка и брюки. На тяжелом лице сотни морщин. Полузакрытые глаза. Сесть она отказалась. Лишь выпила чашку кипятку. В Китае солдаты и простые люди пьют кипяток, который в обиходе называют «белый чай». Затем застыла. Вся ожидание.

— Мадам Ли провела из КНР восемьдесят два человека, — сказал Чжан. — Но не все избирают «официальный» путь через границу. Большинство беженцев «прибывает» в Гонконг вплавь по Жемчужной реке. Чаще всего они входят в воду у Хумэня, местечка, где река разливается на 300 квадратных километров и течет среди множества островков. Зимой ежемесячно приплывает до 300 человек. Летом же море теплое и число беженцев возрастает до трех тысяч. С 1955 года в Гонконг перебралось около двух миллионов человек.

Чжан резко поднялся. Они ушли. Старуха даже не попрощалась. Я прошел в ванную комнату. Выйдя оттуда, я не мог сдержать вскрика удивления. В комнате была старая Ли. Она стояла на том же месте, что и раньше. На этот раз она в упор глядела на меня. Женщина заговорила по-английски, как будто продолжала разговор:

— Беглецы, их было сорок пять человек, направлялись к «устричной деревне», расположенной у Коулуна. Было видно, как они плыли к нам...

Женщина остановилась. Закрыла глаза. Затем продолжала:

— Мы вошли в воду, чтобы помочь им. Но помогать уже было некому. Все были мертвы. Сорок пять трупов. На них были надеты велосипедные камеры... Течение прибило их к «устричной деревне».

Она замолчала, затем добавила:

— Прошел уже целый месяц после этого.

Мы долго молчали, глядя друг на друга.

— Они кончат тем, что оттуда убегут все, — сказала старая Ли.

Я улыбнулся:

— Все! Это уже слишком!

— Не смейтесь. Вот увидите, там произойдут необычайные вещи.

Больше я не встречался с Чжаном. Со старой китаянкой тоже. Но дня через два в своем почтовом ящике в отеле я обнаружил коротенькую записку: «В Тайбэе повидайтесь с г-ном Юем». Далее следовал адрес. Подписано: «Чжан».

Через неделю в Тайбэе я встретился с Юем.

Юй, совсем молодой человек, во всяком случае, он выглядел весьма молодо. Вообще очень трудно определить возраст китайца. Щуплый, не сидящий спокойно на месте, без признаков бороды, волосы подстрижены ежиком, смеющийся по любому поводу, — таков Юй. Я пригласил его пообедать со мной. На Дальнем Востоке обедают в 6 часов вечера или же в половине шестого. От меня Юй ушел в 4 утра. Вот краткое изложение его рассказа:

— Будучи студентом Нанкинского университета, я стал хунвэйбином. Вам известно, чем они занимались. Это движение было рождено «культурной революцией» и умерло вместе с нею. Они разгромили все учреждения, а вместе с ними и коммунистическую партию. Я был «разумным» и имел великолепное свидетельство о патриотизме. Я был согласен с председателем: изменить человека с головы до пят, убить «старые привычки», «старые суеверия», «эгоизм». Для этого проводить в жизнь перманентную революцию. Препятствовать созданию сонливой бюрократии, негодной к работе, в целом ревизионистской и мелкобуржуазной. То была «культурная революция». Мы, красные охранники, критиковали революции, которые закончились преждевременно. Великая же китайская коммунистическая революция будет длиться тысячу лет! Через тысячу лет человек станет добродетельным. И счастливым.

Он замолчал. Засмеялся... Стал снова серьезным... Затем опять засмеялся.

— Но я ушел, потому что мой друг Хэ потерял свое лицо, — сказал он, как будто это была просто шутка.

Известно, что потеря лица для китайца хуже, чем смерть. Что же случилось с Хэ, другом Юя?

Хэ был художником и скульптором. Он тоже был революционером. Но его подвело происхождение. Его родители имели несчастье заниматься торговлей в 1940—1942 годах. Он критиковал себя искренне, что горячо приветствовал его друг Юй.

Вряд ли французский журналист Жан де Валс, назвав свой очерк «Секретные ворота Китая», опубликованный в журнале «Лектюр пур тус», может претендовать на сенсационность собранного им материала. Это лишь одно из свидетельств очевидца. Очевидца, бесспорно равнодушного к народу, переживающему трагический период в своей истории, но тем не менее достаточно объективного в изображении некоторых последствий этой трагедии — попыток тысяч китайцев покинуть родину.

Поток беженцев из Китая возник десять лет назад, когда экономика страны в результате «большого скачка» оказалась отброшенной назад. Позже, во время разгула «культурной революции», этот поток увеличился за счет людей, подвергавшихся издевательствам «красных охранников», и продолжается в настоящее время.

Вот что сообщило по этому поводу в конце прошлого года агентство Ассошиэйтед Пресс: «Число беженцев из континентального Китая в 1972 году достигло 28 500 человек, или самого высокого уровня после 1962 года... В последние годы, чтобы попасть в Гонконг, беженцы обычно переправляются вплавь из китайских прибрежных городов. Не всем удается проделать этот шестичасовой путь из-за китайских сторожевых катеров, акул, опасных приливов и отливов». Примерно в это же время агентство Франс Пресс отмечало, что из Китая «в большинстве случаев бежит молодежь».

Корни этого явления — в политическом курсе нынешнего китайского руководства, в усиленной милитаризации общества, ведущей к замораживанию и без того невысокого жизненного уровня, в массовом насильственном переселении молодежи на постоянное жительство «в деревню», в страхе перед всевозможными «чистками», лихорадящими страну, в разочаровании в «мудрости» «великого кормчего» и неуверенности в завтрашнем дне.

Но вокруг Хэ собирались тучи. Вскоре на повестку дня встало его искусство. Было решено, что скульптуры Хэ, так же как и картины, являются свидетельством самовлюбленности, ужасающего эгоизма. Так Хэ стал империалистом, ни больше и ни меньше. Приговор — идти работать на земле, «на окраину деревни», до конца дней своих.

Суд решил, что Хэ должен отправиться в Куньмин, расположенный в двух тысячах километров от Нанкина, в провинцию Юньнань, пешком, с картиной (образец) на груди и со скульптурой (образец) в руке, поднятой над головой.

В каждом городе, в каждой деревушке, через которую он проходил, ему вменялось в обязанность кричать, что это идет предатель, шпион, враг китайского народа.

Хэ покончил с собой до того, как пришел в Куньмин.

Юй сдавленно засмеялся. Долгое время молчал. Затем стал рассказывать:

— Через шесть месяцев мне предложили поехать «сеять красный ветер» в Юньнани, точнее, в Куньмине...

— «Сеять красный ветер» — что это значит?

— Проповедовать идеи «культурной революции»: в то время я был чем-то вроде комиссара. Около двух месяцев я жил в пригороде Куньминя, в деревушке Фэй. Меня не беспокоили. Меня боялись. Ко всем я относился сурово. Если бы они только знали!

Никто не мог знать, что трагедия Хэ породила в Юе ненависть к маоистам и Мао и что у него была одна мечта — сбежать. В Куньмин он приехал по китайскому обычаю почтить память друга.

— Мне хотелось еще раз прочувствовать ту страшную несправедливость, жертвой которой стал Хэ.

Тогда же Юя захватила мысль покинуть Китай. Любой ценой. Любыми средствами.

И вот ему стало известно, что трое молодых людей, дорожных рабочих на автостраде, идущей из Куньминя в Лацзюе (Бирма), исчезли в джунглях по другую сторону границы.

— Я с гневом обрушился на этих «врагов народа», — объяснил Юй. — Я выглядел разъяренным, но на деле был абсолютно оглушен. Откуда у этих людей такая смелость, чтобы ринуться в подобную авантюру? Нужно знать, где это происходит, чтобы оценить их поступок.

Дорога из Куньминя в Лацзюе такая же древняя, как и сам Китай. Даже сегодня эта дорога как будто затерялась во мраке веков. Когда-то ее неторопливо прокладывали варвары. Позднее, в XIII веке, венецианец Марко Поло проходил здесь вместе с кочевниками. В действительности же это не дорога в нашем нынешнем понимании. Она скорее похожа на переплетение пересекающихся и обрывающихся тропинок. Сегодня на работах вдоль этой тысячекилометровой трассы, которая прокладывается среди джунглей, пустынных гор, безмолвных долин, правительство Мао Цзэдуна использует 15 тысяч землекопов.

— Вот на какой риск пошли дорожные рабочие, — уточнил мой собеседник. — По дороге еще куда ни шло, но как только они с нее сошли... Однако я решил сделать то же самое.

Юй выписал сам себе документ на поездку по дороге. Он имел на это право. На одном из грузовиков направился в Далифу, что в нескольких километрах от Бирмы.

В Далифу Юй пробыл несколько месяцев. Время у него было. У китайцев всегда есть время.

Юй под нехитрым предлогом инспекции отправился к бирманской границе. Ему было известно, что трое молодых беглецов давным-давно мертвы. Их видели солдаты бегущими к трясине на бирманской территории. Они следили в бинокли, как все трое с громкими криками погружались в зыбучую пучину. То были движущиеся пески. Молодые люди тонули в них около четырех часов.

Юй поднялся. Глаза его блестели. И тогда я стал свидетелем самого ошеломляющего заявления, какое когда-либо мне доводилось слышать:

— Они победили!

Он помолчал с минуту, затем продолжил свой рассказ:

— Для меня все было совсем просто, по крайней мере, поначалу... Утром я вышел из столовой, как будто собирался пойти искупаться в Салуине, неподалеку от висячего моста. Не раздеваясь, вошел в воду, поплыл по течению и пересек реку. Никто не обратил на меня особого внимания. В джунглях — Бирма. Солдат нет. На китайском берегу двое военных смотрели на меня непонимающими глазами. Они, очевидно, задавали себе вопрос, что там, в Бирме, делает их политический комиссар — образец «красного духа». Во всяком случае, стрелять они не решились. Я вошел в лес.

Юй избегал деревень. Не раз, переправляясь через реки, он вынужден был спрыгивать с плота, и рыбаки видели на воде лишь плавающие во тьме бамбуковые палочки.

Он заболел. Вылечился. Научился ловить рыбу руками, как это делают бирманцы. Питался кореньями, ягодами. Силками ловил зверей.

— Было бы лучше, если бы я стал деревом! Цветком! — повторял он, смеясь. — Или человеком-невидимкой!

Несколько месяцев спустя Юю показалось, что он находится где-то неподалеку от таиландской границы, вдоль которой течет река Салуин. Оставив плот, он пустился в путь по степи. Заблудился. И вдруг перед ним возникла буддийская реликвия, похожая на остроконечную шапку. Таиландская ступа!

Он был в Таиланде.

— Не скрываясь, я спросил дорогу. Мне показали, где расположена деревня Сянлай. Она была в ста километрах. Я почувствовал себя страшно уставшим, все закружилось перед глазами, и сознание покинуло меня...

Железная дорога Кантон — Гонконг, вплавь по Жемчужной реке, долгое, долгое путешествие через Бирму.

Есть ли еще какие-либо ворота, чтобы уйти из Китая?

Казалось, я собрал уже все ответы на этот вопрос. Однако в Макао мне рассказали страшную историю. Конечно, это одна из наиболее необычных попыток бегства, которую можно выдумать.

Макао — португальская провинция, расположена напротив Гонконга, у западного устья Жемчужной реки. До войны Макао называли «игорным адом». Сегодня это тихий городок.

До 1966 года лишь 20 китайцам удалось перейти границу по земле, вплавь или на лодке. Сегодня этого уже никто не делает. Согласно договору, заключенному между Лиссабоном и Пекином, португальцы отправляют беженцев обратно.

Однажды над Макао и его пригородами раздался громоподобный голос. Говорили по-китайски. Усиленный мегафоном, он исходил с принадлежащего КНР острова Маниок, который расположен приблизительно в 50 метрах от португальского острова Колуань. Голос приглашал граждан Макао посмотреть «волнующий спектакль» — так и было сказано, — что состоится на острове Маниок.

Вот что увидели зрители. Кортеж солдат, гражданских лиц в форменках Мао. Всего 70 человек. Между солдатами двое мужчин с выбритыми головами. Руки связаны за спиной на уровне лопаток веревкой, которая одновременно обвивает шею.

Их поставили на колени... Вышел человек в гражданской одежде и в мегафон зачитал приговор. В нем было сказано, что эти двое хотели жить в стороне, в ином мире... Они курили опиум.

Затем шел подробный рассказ об их жизни. Оба они были рабочими с черепичной фабрики. Выполняли норму, участвовали во всех политических манифестациях, проявляли большое рвение (один из них был даже «старшим выкрикивальщиком лозунгов», то есть человеком, побуждающим демонстрантов яростно выражать свой гнев и презрение к империализму). Примерные мужья, добрые отцы семейств.

Но... все это было неправдой. Несколько раз в неделю они курили опиум, они «перешли границу».

Они убежали в мыслях, забыли об «объективном мире».

От группы отделился офицер и стал стрелять осужденным в затылок. Затем кортеж сел в лодки и уплыл.

Тела остались на песке Маниока, и птицы мало-помалу их склевали... Наркотики. Для некоторых это тоже секретные ворота для бегства из Китая...

Перевел с французского А. КЛИМОВ

А. КУКАРКИН



„Массовая культура": истоки и следствия

Никогда еще проблемы культуры не приобретали столь отчетливо выраженного идеологического и политического характера, как в наше время. И этому есть свое объяснение.

Беспрецедентное по темпам и мощи развитие производительных сил, вызванное научно-технической революцией, оказывает все возрастающее влияние на духовную жизнь общества. А поскольку научно-техническая революция протекает одновременно в условиях различных общественных формаций, весь многогранный комплекс порожденных ею следствий неизбежно приобретает идейно-политическую остроту. Борьба между эксплуатируемыми и эксплуататорами внутри буржуазного общества все теснее переплетается с борьбой антагонистических систем — социализма и капитализма. Эта борьба и сопутствующее ей столкновение идей, концепций и взглядов все глубже пронизывают жизнь современного человечества.

В свете сказанного особого внимания заслуживает проблема так называемой «массовой культуры». В выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году товарищ Л. И. Брежнев говорил: «...ежечасно, и днем и ночью трудовой народ почти всего земного шара подвергается в той или иной мере воздействию буржуазной пропаганды, буржуазной идеологии. Наемные идеологи империалистов создали специальную псевдокультуру, рассчитанную на оглупление масс, на притупление их общественного сознания. Борьба против ее развращающего влияния на трудящихся — важный участок работы коммунистов».

О какой культуре идет речь?

Понятие «массовая культура» носит весьма расплывчатый характер. С одной стороны, речь как будто идет о произведениях художественных, издающихся массовыми тиражами для широкой публики. С другой — под понятие «массовой культуры» подпадают такие произведения литературы и искусства, которые якобы «соответствуют» вкусам и уровню развития массового потребителя.

Справедливость подобных определений чисто внешняя. Действительно, при современном уровне развития техники любое произведение литературы и искусства может быть размножено в неограниченном количестве. Но суть вопроса в том, каких достоинств и какой идейной направленности произведения заслуживают массового распространения. Именно стремлением уйти от этой сути продиктовано утверждение одного из ведущих американских социологов, Бернарда Розенберга, в книге «Массовая культура в Америке» о том, что «современная техника — необходимое и достаточное условие существования массовой культуры. Ни национальный характер, ни экономический уровень, ни политический строй не имеют здесь решающего значения. Единственное, что по-настоящему важно, это происшедшая совсем недавно научно-техническая революция».

Так ли это? Разумеется, нет. Ведь запросы потребителей «массовой культуры» — особенно молодежи — образуются не стихийно: они в значительной степени формируются под влиянием идейного содержания и художественных достоинств распространяемых произведений. А эти качества, как известно, обусловливаются интересами тех классов и групп, которые владеют средствами производства и распространения произведений литературы и искусства.

Надо сказать, что неопределенность термина «массовая культура» породила на Западе множество его синонимов — КОММЕРЧЕСКОЕ, ПОПУЛЯРНОЕ, РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО, ПОДКУЛЬТУРА, КИТЧ (халтура), ИСКУССТВО АНТИУСТАЛОСТИ и так далее. Что это? Терминологическая расплывчатость? Не только. Вдумайтесь в смысл приведенных терминов — и вы заметите, что все они подчеркивают лишь утилитарно-развлекательную сторону «массовой культуры», старательно избегая даже намека на ее идеологическую, социальную суть, которая, как правило, заключается в идеализации буржуазных институтов и нравов, в пропаганде индивидуалистического мировоззрения, а нередко расизма, милитаризма, антикоммунизма. Понятно, что чем выше технический уровень средств массовых коммуникаций, тем больше возможностей для соответствующей обработки сознания потребителей «массовой культуры», которая искусно подделывается под демократизм, заигрывает с объективностью, а также, эксплуатируя некоторые произведения подлинного искусства, тиражирует их.

В одном из своих воспоминаний А. В. Луначарский приводит следующую мысль В. И. Ленина по поводу отбора и демонстрации кинофильмов: «Если вы будете иметь хорошую хронику, серьезные и просветительные картины, то неважно, что для привлечения публики пойдет при этом какая-нибудь бесполезная лента, более или менее обычного типа. Конечно, цензура все-таки нужна. Ленты контрреволюционные и безнравственные не должны иметь места».

Законодатели «массовой культуры» наверняка и не слышали об этой ленинской мысли, но чисто эмпирическим, опытным путем пришли к тому же выводу, однако перевернутому наизнанку. В. И. Ленин, как мы знаем и по другим его высказываниям, не был противником развлекательного искусства — лишь бы развлекательности не придавалось первостепенное значение. В «массовой культуре», наоборот, развлекательный момент призван оттеснить на задний план задачу, которая, говоря словами К. Маркса, заключается в «духовно-практическом освоении мира».

Немного истории

Характерные черты «массовой культуры» формировались постепенно. Вначале — с конца XIX века до первой мировой войны — ее носительницей выступала буржуазная пресса, разжигавшая интерес к скандальным сенсациям, интимной жизни зна-

менитостей, новостям, поданным в «доходчивой», упрощенной и, как правило, тенденциозной манере. В бурные десятилетия, разделяющие первую и вторую мировые войны, особое значение приобрели радио и кинематограф. Именно в кинематографе получили наиболее законченное воплощение принципы «эстетики эскапизма» — увода зрителей от реальной действительности в вымышленный мир мелодраматических страстей, беспочвенных грез и надуманных проблем. В послевоенное время эту функцию стали выполнять и телевидение, комиксы, различные дешевые издания в мягких обложках. Тут-то и проявились особенно наглядно идейно-пропагандистские и коммерческие цели конвейерного производства литературы и искусства совершенно определенного толка. Это прежде всего та часть «популярных», развлекательных жанров — уголовно-детективных, приключенческих, мелодраматических, комедийных, эстрадных и т. д., — которая отмечена печатью шаблона и стереотипов и в этом отношении противостоит произведениям оригинального, самобытного творчества. Носителями «массовой культуры» в буржуазном обществе стали газеты, журналы, радио и телевидение, реклама. При этом повсеместно наблюдается искажение функциональной сущности информации. Она утрачивает объективный характер и обретает коммерческую или идейно-пропагандистскую окраску.

Что же касается моды, то здесь преобладают не столько интересы целесообразности, сколько стремление к увеличению прибыли. Один из последних тому примеров — мода на длинные дамские платья, не соответствующие требованиям современного транспорта и ритму жизни, но зато позволившие текстильным и суконным фабрикантам значительно увеличить сбыт своей продукции.

Одной из характерных черт «массовой культуры» является ее всеядность. Любое явление художественной или общественной жизни находит в «массовой культуре» свое, как правило, уродливое преломление. Вскоре после студенческих волнений и всеобщей забастовки трудящихся Франции в мае 1968 года на прилавках магазинов, например, появились новомодные «украшения» в виде пластмассовых... булыжников. Таким образом, оружие бунтующих масс было превращено в экзотическую вещичку. Такая же участь постигла многие студенческие песни протеста, сатирические рисунки и т. д. В своем новом «амплуа» обычного коммерческого ширпотреба они лишились своей сущности, внешне и внутренне деформировались. Так «массовая культура» совершает в духовной сфере то же самое, что империализм давно уже совершил в социальной, когда деформировал, выхолостил такие лозунги, провозглашенные молодой революционной буржуазией, как свобода личности, равенство, братство.

ЧТО КУЛЬТИВИРУЕТ «МАССОВАЯ КУЛЬТУРА»?

Буржуазная «массовая культура» ограничивает сознание людей потребительскими интересами и мещанскими вкусами, культивирует секс и насилие, создает идолов для подражания — «звезд» кино, театра, телевидения, спорта, которые призваны подавить социально-общественную активность и как-то заполнить духовный вакуум «царством сахарина», то есть эрзацев счастья.

Многие периодические издания — такие, как «Плейбой» в США, «Эль» и «Мари Клер» во Франции, «Нова» и «17» в Англии, «Се» в Швеции и другие, — делаются таким образом, чтобы постоянно создавать у читателей иллюзию приобщения к «элите», так называемому «дисент сету» — миру миллионеров и кинозвезд. Глянцевые страницы этих изданий полны описаний и фотоизображений прелестей «сладкой жизни», которые должны вызывать у читателя соответствующее представление об идеале бытия и ощущение соприкосновения с ним.

Даже буржуазные теоретики вынуждены признавать коммерчески-товарную и конформистскую природу «массовой культуры», развращающей не только тех, кому она предназначена, но и ее непосредственных создателей. Так, Джозеф Бенсмен и Бернард Розенберг в книге «Массовая культура и бюрократия» пишут: «Массовый» художник может быть талантливым сценаристом, одаренным копиистом, танцором, актером, журналистом, фотографом, хореографом или музыкантом. Он работает за зарплату, гонорар или комиссионное вознаграждение. Он получает задание, сущность, контуры и границы которого ему предписаны. Он должен подчиняться всем указаниям и нормам, установленным для него администраторами из нанявшего его агентства, которые не имеют никакого отношения к художественному творчеству. Созданное им произведение подвергается производственной проверке, переделке и выхолащиванию, если оно не отвечает стандартам, установленным высшим руководством... Он должен быть готов к сотрудничеству и сговорчив, лишен упрямства или настойчивости, особенно в вопросах, имеющих отношение к его творчеству. Он хорошо оплачивается.

Во всех этих аспектах «массовый» художник резко отличается от «серьезного». И если он верит в свое художественное призвание, то будет страдать от унизительного чувства своей проданности».

РЕАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

Выдающийся советский ученый Л. С. Выготский в работе «Психология искусства» сравнивал художественные произведения с двумя системами летательных машин — легче и тяжелее воздуха. Одни, как аэростат, просто плывут по воле воздушных течений, другие, как самолет, преодолевают стихию.

Искусство, которое не «плывет по воле ветров», то есть буржуазной моды, и стремится преодолевать волю владельцев денежного мешка, — это серьезное искусство. Оно всегда дифференцируется, и никто никогда не перепутает, скажем, Фолкнера и Кафку, Мюриель Спарк и Алена Роб-Грийе, Куросаву и Антониони, Креймера и Феллини. Этого не скажешь о произведениях «легкого» искусства и литературы, так называемой беллетристики, которую до последнего времени никто не рассматривал как самостоятельное и важное явление общественно-культурной жизни, ибо предназначалась она главным образом для досуга сравнительно немногочисленной привилегированной прослойки буржуазного общества. Не только по своему качеству, но и по своему количеству «легкая» литература не могла прежде конкурировать с произведениями серьезного искусства.

Однако с появлением кинематографа, а затем и телевидения многое изменилось. Массированная обработка с помощью кино и телевидения сознания людей эрзацами «массовой культуры» неизбежно привела к прогрессирующему обособлению подлинного искусства от народа. Вот почему выдвинувшиеся на Западе на первый план развлекательные жанры искусства и литературы потребовали к себе серьезного внимания. При этом, конечно, нельзя все «смешивать в одну кучу» и одинаково расценивать, скажем, детективные романы Агаты Кристи и воинствующего антикоммуниста Мики Спиллейна.

Однако в целом ориентация на «среднего» потребителя, то есть на обывателя и мещанина, вызывает повсеместно растущее критическое отношение к «массовой культуре» — подчас даже со стороны буржуазных идеологов, обеспокоенных ее негативными последствиями. Против «массовой культуры» начинают все чаще выступать представители широких слоев общественности западных стран, протестующих против проникновения в сферу искусства духа коммерции, против господства буржуазной морали с ее девизом «все дозволено», которая растлевает молодежь.

Особую роль в противодействии «массовой культуре» играют прогрессивное, реалистическое искусство и литература, которые в противовес двум разновидностям буржуазной культуры — «массовой» и «элитарной», предназначенной для избранных ценителей, — выражают идейно-художественные устремления народных масс. Значение и перспективы развития прогрессивных тенденций тем более велики, что судьбы культуры в наше время не связаны неразрывно с судьбой буржуазного общества благодаря существованию социалистических стран и их общенародной культуры. В культуре социалистических стран, конечно, тоже существует своя «беллетристика», но она в противовес буржуазной «массовой культуре» не может служить рассадником реакционных идей и морали, мещанских идеалов и эстетической безвкусицы.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что «массовая культура» представляет собой современный тип «традиционной» буржуазной культуры, возникший как результат определенных социальных отношений и научно-технической революции.

Псевдокультура — наиболее точное определение той части современного буржуазного искусства и литературы, которая прикрывается термином «массовая». Подобное прикрытие понадобилось буржуазным идеологам прежде всего для маскировки классового содержания и классовой направленности усиленно распространяемых эрзацев художественных ценностей. В «массовой культуре» со всей силой проявляется усиливающаяся враждебность буржуазного общества подлинному искусству.

В то же время безнадежно-пессимистический взгляд на культуру в буржуазном обществе в целом неправомерен, поскольку в народных массах неистребимо стремление к подлинной, а не к эрзац-культуре. На этом строится вся эстетика прекрасного в жизни и прекрасного в искусстве. И именно это стремление обеспечивает неизменный успех реалистических произведений, того передового искусства, которое создается не господствующим классом капиталистического общества и его представителями, а против господствующего класса эксплуататоров и его культуры.



ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ЗОРИ

СЛОВО О КОЛЛЕГАХ

Ювеналий ПОЛЯКОВ

Верно, каждый журналист знает эту старую, напетую Леонидом Утесовым еще в дни войны песню о наших славных старших коллегах: «С «Лейкой» и блокнотом, а то и с пулеметом сквозь огонь и стужу мы прошли...» Время идет, и в нашем неспокойном мире, слава богу (вернее — слава людям), стало спокойнее; доказательства тому можно отыскать хотя бы в тех же статьях и очерках, написанных после войны. Уже не «Лейки» в руках у журналистов снимающих, а наисовременнейшие широкоугольные и длиннофокусные агрегаты, и не блокноты порой в руках у журналистов пишущих, а транзисторные диктофоны. И, к счастью, не так уж часто журналисту приходится работать под тарахтенье пулемета...

Но все же мы до сих пор помним эту песню: «С «Лейкой» и блокнотом, а то и с пулеметом...» Знаете почему? Потому что журналистика — это встреча с неизвестным, это «готовность № 1» и «амуниция по всей форме». И верно все это не только, как любят говорить теперь, в экстремальных случаях, связанных с риском, с драматической ситуацией или заведомым столкновением с враждебным тебе человеком, — нет, это порой справедливо и тогда, когда люди вокруг улыбаются, веселятся, а дружеское взаиморасположение — обязательный пропуск в круг собравшихся.

Поройтесь в памяти и скажите: каким вам представляется или помнится фестиваль, Всемирный фестиваль молодежи? Вероятно, главным окажется впечатление о его едином, ритмичном, синхронном дыхании — он один был в минуты патетики и торжества, веселья и раздумья. А главное, он был буйно красочен, и краски все были мажорные.

Кстати, — это я спрашиваю у тех, кто сам был на фестивале, — не замечали ли вы в толпе улыбающихся и возбужденных — людей, на ваш взгляд, чуть более сосредоточенных, а рядом с праздничными колоннами, над которыми плещут флаги и раскачиваются цветы, людей, быть может, чуть более сдержанных? Вся эта публика — мои коллеги, мои собратья по профессии — журналисты.

И еще одно «кстати». Кто в мире узнал бы о фестивалях, не только о том, что каждый из них незабываемый праздник дружбы и единства молодых, но и о том, что каждый из них подводит итоги борьбы молодежи разных стран и континентов за общие цели и вырабатывает стратегию на будущее, что фестиваль — это еще и работа, и столкновение разных точек зрения, — так кто рассказал бы миллионам юношей и девушек во всем мире о фестивалях, если бы не мои коллеги по перу, микрофону и фото- или кинокамере?

О них я и хочу рассказать.

Два фестиваля из тех, на которых мне довелось работать в пресс-центре, — VI Московский и VII Венский.

Наверное, ни к одному из всемирных форумов молодежи не велось такой широкой подготовки, как к Московскому. Это и понятно: пакуя свои скромные чемоданы, ребята на всех континентах собирались не только на международный праздник. Они ехали в страну, где мало еще кто из них бывал; в страну, о которой зато читал и слышал много всякого. Ну а самое важное для большинства было вот что — они собирались своими собственными глазами увидеть народ, первым построивший социализм. По всему поэтому интерес к Московскому фестивалю оказался необычайным — в нашу столицу приехало 34 тысячи делегатов. Что и говорить, для журналистов поле деятельности здесь было не только ободряюще просторным, но и пугающе необозримым.

Знаете, сколько их прибыло? Более двух тысяч! Из них 987 человек представляли почти 600 органов печати, радио, кино и телевидения 62 зарубежных стран. Пресс-центр фестиваля размещался тогда в гостинице «Москва». Занимая все здание, журналисты здесь работали, здесь же и жили. Для радиожурналистов пресс-центру был еще придан дом на Пушкинской площади со студиями, аппаратами, автопарком тонвагенов и прочим и прочим. Кто незнаком с международной информационной службой, тому трудно представить, насколько сложна и многогранна работа пресс-центра. Нужно снабдить журналистов информацией, помочь переводчиками и транспортом, наконец, организовать их питание. Проведение пресс-конференций, чаще всего по нескольку в день, организация интервью и коллективных встреч, предоставление фоторепортерам условий срочно проявить пленку, а радиожурналистам — немедленно передать материалы в эфир, анализ материалов мировой печати... И это лишь часть из лавины вопросов, которые приходилось решать пресс-центру. Скучать, да и спать, честно говоря, нам, его работникам, было некогда.

Листая сегодня записи тех дней, вновь перечитывая документы работы в гостинице «Москва», каждый, кто был связан с печатью, может сказать: «А ведь неплохо мы поработали, старики!» Лишь общее количество страниц выпускаемого на пяти языках бюллетеня пресс-центра достигло 1540! Ежедневно журналистам предоставлялось 250—300 фестивальных снимков, по их заказам проявлено 2 тысячи фотопленок и сделано 6 тысяч отпечатков. Из пресс-центра за рубеж отправлено около полутора тысяч пресс-телеграмм. Между «Москвой» и аэропортами была налажена курьерская связь, доставлявшая материалы прямо к самолетам. Журналисты получили более 40 тысяч билетов на художественную часть фестивальной программы.

Конечно, цифры не могут рассказать о том, как мы работали, об атмосфере, в которой бок о бок трудились журналисты разных стран. Главной особенностью службы информации был дух дружбы и взаимопонимания, искреннее стремление подавляющего большинства аккредитованных журналистов как можно полнее и быстрее информировать своих читателей, слушателей, зрителей о празднике юности в Москве...

— Здравствуй, другарь! Два года тебя не видел, как живешь? — И меня заключил в объятия красивый парень, мой старый знакомый, с которым я подружился на Варшавском фестивале. Тогда начинающий журналист, теперь он известный во многих странах болгарский писатель Слав Карасла́вов. В Москве Слав представлял болгарскую молодежную прессу. Работал неистово, исписывая в день по нескольку блокнотов. Особенно много писал о Москве, о встречах с советскими ребятами.



Такой уникальный кадр — столько молодых лиц вместе — можно увидеть только на фестивале. Москва, Садовое кольцо. Начало августа 1957 года. VI Всемирный фестиваль собрал 34 тысячи посланцев молодежи из 131 страны.

— А все остальное пригодится, — любил повторять Слав, отправив в Софию объемистый репортаж или очерк об очередном дне фестиваля. — Наступит время, и вот увидишь — Болгария будет принимать у себя очередной фестиваль. Где, как не в Москве, поднабраться нам опыта для будущего...

Пройдет несколько лет, и Слав скажет в Софии:

— Помнишь, как мы работали в Москве? А ведь все пригодилось, каждый блокнот...

Марини Сальвадор представлял на фестивале левую печать Аргентины, Гвильямин Фонтанес Дагоберьо — мексиканские прогрессивные издания. Этих людей многое объединяло: и принадлежность к левым изданиям, и то, что приехали они из стран одного континента, и искренние симпатии к нашей стране. Оба скрупулезно фиксировали детали повседневной жизни, стараясь как можно глубже разобраться в духовном мире советских людей. Это стремление все увидеть и познать Сальвадор и Дагоберьо объясняли просто: после возвращения на родину они собирались каждый у себя дома опубликовать большие серии статей о советской молодежи и вообще о жизни нашей страны.

— Поездка на фестиваль для нас обоих редкая удача, — говорили наши друзья. — Грех было бы не использовать собранные материалы для борьбы с правой пропагандой.

Но Москва и фестиваль собрали не только друзей. К нам приехали разные люди — и те, кто был просто в стороне, и те, кто был просто враждебен. Правда, большинство из этой группы сочло нужным считаться с объективной реальностью: мало кто не отметил исключительное гостеприимство москвичей, хорошую организацию и несомненный успех начала международного праздника юности. Однако в ответ на подобную информацию, переданную домой, иные журналисты получили от своих редакций недвусмысленное указание подавать фестивальный материал только в негативном свете.

Скандалами отметил свою «работу» в Москве тогдашний руководитель отделения агентства Интернейшнл ньюс сервис С. Флигерс. Искажающими правду материалами «прославился» и журналист из Израиля М. Чижик. Решив затруднить деятельность пресс-центра, дискредитировать его работу, журналисты-антифестивальщики пускались во все тяжкие. Сдавали, например, в проявление... незаряженные кассеты, а затем поднимали шум по поводу «конфискации» пленки «советскими агентами». Или подписывали свои пасквили фамилиями журналистов стран социализма, распространяли провокационные слухи.

Не скажу, что все эти «подвиги» сходили им с рук: антифестивальщиков нередко выводили на чистую воду их же коллеги, зарубежные работники печати, аккредитованные в пресс-центре. Правда о VI Всемирном, о торжестве молодости в ее стремлении к счастливому и прекрасному завтра, как бы ей ни мешали, разнеслась по всему свету.

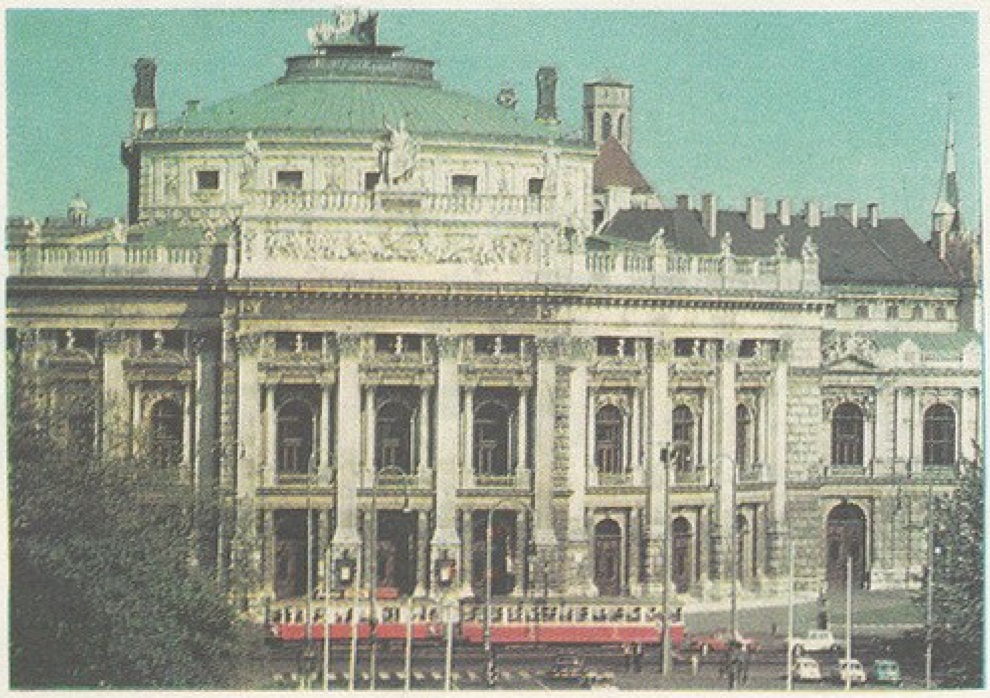
Через два года, летом 1959-го, в Вене взвился флаг VII Всемирного. Еще в ходе подготовки к фестивалю поборники «холодной войны» всячески пытались сорвать его. Так, после фестиваля стало известно, что только западногерманская служба Гелена откомандировала в Вену с заданием сорвать праздник две группы агентов, бывших бандеровцев. Но все эти попытки провалились. Сто тысяч венцев, присутствовавших на открытии фестиваля, бурно приветствовали его участников.

Пожалуй, ничто так не помогает взаимопониманию, как личные контакты. И у фестивалей есть прекрасная традиция — встречи между делегациями.

На третий день фестиваля делегация нашей молодежи встретилась с американцами. Разного рода искатели сенсаций заранее набились в зал в надежде поживиться. Забавно было наблюдать, как мрачнели их лица. С первых же минут на встрече установилась атмосфера дружелюбия. Помню, американцы преподнесли нашей делегации трубку мира.

— Пусть эта трубка, — сказали они, — будет символом нашего взаимопонимания и дружбы.

Огромное число журналистов привлек в австрийскую столицу



VII Всемирный фестиваль. Здесь было аккредитовано 1300 представителей печати из 64 государств. Подавляющее большинство из них журналисты стран Запада. Из США, в частности, прибыло 130 корреспондентов, из ФРГ — более 150. Наладить нормальную работу пресс-центра здесь было труднее: ведь помощников у нас было много меньше, а противников или просто равнодушных много больше.

В битву против фестиваля реакция Запада бросила крупные денежные фонды. В австрийскую столицу завезли тонны антифестивальных, антикоммунистических и антисоветских изданий. Перед началом фестиваля в Вене открылись пропагандистские выставки о «счастливой жизни» молодежи «свободного мира». По городу расставили будки «информационных центров», которые вели подрывную работу среди делегатов. Доллары, марки, фунты как по мановению палочки злого волшебника превращались в многочисленные, под разными названиями антифестивальные газеты. Самая крупная из них — «Голос молодежи» — пошла на откровенный подлог: формат, оформление и даже эмблема этого листка были скопированы с органа Международного подготовительного комитета — газеты «Фестиваль», пользовавшейся у читателей большим успехом. На семи языках выходила еще одна газетенка — «Венские новости», которая, маскируясь наигранной доброжелательностью, публиковала на своих страницах всякого рода небылицы и слухи. Сотрудничали в ней изменники Родины, эмигранты и «знаменитости», известные своей приверженностью к «холодной войне».

Редакторов этого листка не смущало, что поставляемая ими «информация» официально опровергалась на пресс-конференциях в присутствии сотен журналистов. Вместо одной «утки» они выпускали другую.

Вот такой факт. Вскоре после открытия фестиваля делегаты-датчане, купив копенгагенскую газету, к своему удивлению, прочли на ее страницах корреспонденцию из Вены, живописующую «полный провал» фестиваля, «окончательный раскол» среди его участников и т. п. Возмущенные датчане опубликовали единодушно принятое заявление с протестом, а своим правым журналистам объявили бойкот. А кое-кого из представителей известных буржуазных журналов, схваченных за руку во время их грязной антифестивальной работы, возмущенные делегаты учили более ощутимо.

Словом, все старания врагов фестиваля оказались тщетными. На фоне десятидневного величественного шествия противники и злопыхатели выглядели довольно жалко. В конце концов «Венские новости» стали раздавать — а вернее, навязывать — бесплатно. Фестиваль победно шагал по Вене.

В один из дней фестиваля на свою встречу собрались 120 молодых журналистов из 39 стран.

Речь шла о свободе печати — подлинной и мнимой, происходил обмен мнениями между журналистами разных континентов о задачах молодежных газет, их направлении, о принципиальности и честности журналиста. И дружными аплодисментами были встречены слова посланца журналистов Африки Ханса Ломбарда: «Писать надо с мыслью о мире и дружбе. Надо искать пути к сотрудничеству в борьбе за свободу и дружбу между народами».

Флаг фестиваля был спущен, но фестивали продолжались и продолжаются. Они победоносно шествуют по земле, вдохновляя молодежь на новые усилия в борьбе за мир и дружбу между народами. И рядом с фестивальными колоннами вы всегда увидите сосредоточенных, занятых работой людей. Это верные летописцы фестиваля — журналисты.



Такой уникальный кадр — тишина и безлюдье в фестивальном пресс-центре — можно сделать только до его открытия. Завтра хозяевами пресс-центра станут 1300 журналистов, съехавшихся на VII Всемирный в Вену.

Смерть Томми Граймса

Р.-Д. МИДДОУ,
американский писатель

Рассказ

Томми слился с землей, стал ее частью. Во всяком случае, так ему казалось, пока он лежал и следил, как роса и солнечный свет обволакивают верхушки деревьев гигантской сверкающей паутиной. Солнце еще не взошло, над землей клубился туман, и это придавало лесу таинственность.

У Томми чесался нос, и больше всего ему хотелось почесать его, хотя бы дотронуться до него, но Па сказал: «Не двигайся, не шевелись, даже не дыши громко». Руки, ноги, даже пальцы — все должно замереть. Зверь знает лес. Не успеешь моргнуть, как он уже тут, глядит на тебя, просто стоит и глядит.

Это началось очень давно, вспоминал Томми, почти год назад, когда ему было всего одиннадцать. В ту ночь, когда глаза хорька блеснули в свете фонаря на птичьем дворе, Томми не выстрелил. Он стоял, глупо открыв рот, и смотрел, как хорек убегает в лес.

Па гневно выхватил из его рук ружье и спросил:

— Почему ты не стрелял? Чего ждал? Что с тобой, парень?

— Па! Я... я не мог, Па. Я просто не мог.

Па присел и выдернул травинку. Пожевал ее, помолчал минуту.

— Ты никогда не любил убивать, не так ли, мальчик? Даже когда был совсем маленьким.

Томми молчал, уставившись в землю. Отец вздохнул.

— Черт побери, Томми, в мужчине всегда что-то умирает, когда он убивает, но тут уж ничего не поделаешь. Есть животные, которые вообще ни на что не годятся, и их **надо** убивать. Понимаешь?

Томми молча кивнул, не сводя глаз с земли, а Па привстал, закряхтел, и они молча отправились на птичий двор. Там, среди красно-белого месива из крови и перьев, они насчитали сорок три курицы.

Тогда-то он и начал тренироваться в стрельбе по движущейся мишени. Ружье стало продолжением его руки, и ему казалось, что отец тренирует его уже целую вечность. Снова и снова набирал он в легкие воздух и, выдыхая, нажимал спусковой крючок. Снова и снова...

Томми чувствовал, как лоб, несмотря на утренний холодок лесного воздуха, покрылся горошинами пота. Скоро они превратятся в капли и покатятся по лицу, будут жечь глаза. В кармане лежал платок, но он не мог, не смел потянуться за ним. Скоро все будет позади. Скоро...

Настало время, когда он мог попасть в любую цель, даже самую отдаленную. Иногда, если успевал обернуться, он замечал гордость в глазах Па. Но Па тут же делал бесстрастное лицо и говорил:

— Неплохо, Томми! — И добавлял с еще более серьезным видом: — Лучше, уже



Рис. Г. Филипповского

гораздо лучше, но нужно больше тренироваться.

Па учил его, как выслеживать зверя, читать следы и как держать приклад, чтобы погасить отдачу. Па показал ему, как надо тихо лежать, чтобы лес забыл о твоем присутствии и природа снова занялась своими делами.

И вот настал день, когда Па, вернувшись домой, как бы между делом заметил, что завтра его друзья идут в лес поохотиться на оленя и неплохо было бы пойти с ними. Ведь олень бегает быстро, очень быстро.

Томми склонился над миской с фасолью, но чувствовал, что отец краешком глаза внимательно наблюдает за ним. И еще он знал, что Па ни слова бы не сказал про охоту, будь Ма дома, но она заночевала у знакомых в Коллерсвилле. Он раздумывал, каково должно быть Па, когда другие отцы хвастают своими сыновьями, а его собственный сын испугался убить даже хорька. И Томми знал, что он должен сделать.

— Па, — несмело спросил он, — может, мне тоже сходить разок на старика оленя?

— Этот олень не старик, мальчик, он молод. — Па сказал это как будто бы несколько удивленно. — Ты можешь покалечиться.

— Пусть, но я хочу попробовать, — ответил Томми, еще ниже склоняясь над фасолью.

— Ну что ж, я подумаю, мальчик. — Па сказал это небрежно, но глаза его радостно блеснули...

Медленно, очень медленно Томми вытер лоб рукавом и снова уставился в полумрак перед собой. Где-то там, в чащобе, Па кружил, топал, распугивал обитателей леса, загоняя их на поляну, где его сын лежал в ожидании.

Он засмеялся про себя, вспомнив, как Па последний раз пошел в «хижину» выпить с «ребятами» — так он их называл. А когда вернулся, нетвердо ступая, в его глазах блестели озорные огоньки. Потом он вышел в пижаме на заднее крыльцо и долго сидел, вслушиваясь в трескотню цикад, поглядывая в звездное небо. Может, потом Па будет и его пускать в «хижину» — поболтать с парнями, выпить виски. Пока же ему приходилось довольствоваться лишь рассказами Па о том, что было в «хижине». При этом отец обычно долго смеялся и сжимал его руку. Потом набивал трубку и сидел, глядя на северный выгон.

— Прекрасная штука — рассвет в лесу, мой мальчик, прекрасная. Эти краски, дикие цвета, чистые ручьи, прохладный ветерок. Тут чувствуешь жизнь, мальчик, чувствуешь ее. Ни звука не доносится до тебя, но ты чувствуешь. Промелькнуло что-то белое — это кролик торопится домой. Можешь увидеть сурка, роющего нору. А деревья, — шептал он, — они просто стоят и смотрят на тебя. Они уже были здесь, когда ты пришел, и будут после того, как ты уйдешь.

— Ух, Па! Как это здорово, все, что ты рассказываешь! Я даже не знаю, хочется ли мне идти на охоту завтра.

Па улыбнулся.

— Это действительно здорово, но надо стараться не нарушать законов леса. Лакомясь кроликами, лиса уменьшает их количество, иначе они заполонили бы все вокруг. То же самое и в охоте. Ты стреляешь зверя, потому что голоден и должен есть, — это одна причина. Ты можешь также охотиться из спортивного интереса — это когда человек решает потягаться разумом с хитростью зверя. Лично меня это не особенно увлекает, но некоторые любят. Даже очень. Правда, есть звери, которые приносят вред, и этих просто надо убивать. Понимаешь?

— Я... думаю, да. А как же ты говорил... будто в человеке что-то умирает, когда он убивает кого-нибудь?

— Убивая в первый раз, человек еще чувствует угрызения совести. Следующий раз уже легче. А затем просто решаешь, что кто-то должен умереть, и убиваешь, неважно как. Вот тогда ты сам мертв, мальчик, хоть и не знаешь этого.

Томми пошевелил пальцами ног, они как будто онемели. Какому-то муравью стало тесно на земле, и он пополз вверх по его руке, пока Томми не сдул его. Тихо сдул обратно в его смелый муравьиный мир. Пелена рассеивалась, и солнце начало медленно пробиваться из-за деревьев. «Па прав, — подумал он, — в жизни есть определенный порядок. Птицы клюют червей, которые живут в земле. Птицами питаются звери покрупнее. Кроликов поедают лисы, лис — рыси, рысей — медведи или еще кто-нибудь, и так до слонов. А слонов убивают люди. Па сказал, что человек охотится и на себе подобных (что бы это могло означать?), но мало ли чего не бывает, главное — все-таки порядок, а когда этот порядок не соблюдается, тогда все может пойти наперекосяк. Вот, например, бывает слишком много кроликов, или белок, или еще кого-нибудь...»

Громко, словно динамит взорвался, треснул сучок; мальчик замер. Ружье метнулось влево, застыло неподвижно. Медленно и неуклюже из травы, раздвигая ее носом, выкатился еж, пробежал по солнечным пятнам и опять скрылся в траве. Томми с трудом удержался — так ему хотелось засмеяться, такое он почувствовал вдруг облегчение и счастье. Но он не пошевелился и продолжал ждать.

Тем временем что-то изменилось в лесу. Солнечный свет стал тусклее, временами почти пропадал, и он снова почувствовал прохладу, как перед рассветом. Да и тишина уже раздражала. Тишина. Ни одного звука. Не слышно ни стрекота кузнечиков, ни щебета птиц, ни шороха, ничего. Но что-то все-таки было! Томми замер в возбуждении, холодок пробежал по его спине, дыхание стало неровным. Сердце стучало, стараясь вырваться из груди, и его удары складывались в слова: «Скоро! Скоро! Скоро! Скоро тебя будут звать как отца — Том Граймс. Скоро ты будешь ходить в «хижину» и пить виски с другими мужчинами. Скоро ожидание кончится. Скоро ты станешь взрослым. Скоро. Скоро. Скоро. Скоро! Скоро! Скоро!»

Есть! Там, в кустах! Небольшое коричневое пятно за колючим кустарником. Оно движется, быстро движется. Он еще ниже склонился над прикладом ружья, раздвинул шире ноги, вдавливая пальцы ног в мягкую землю. «Крепко прижми приклад к правому плечу, чтобы принять отдачу, — учил Па. — Широко раздвинь ноги для равновесия. Сделай так, чтобы ружье, рука, бедро, нога составляли прямую линию».

Томми набрал в легкие побольше воздуха и чуть не задохнулся. Взгляд скользнул по гладкому вороненому стволу ружья туда, где он заметил движение. Там четко был виден силуэт какого-то коричневого существа, которое кралось, принюхивалось, пригибалось.

— Ты не увидишь, не услышишь, не учуешь его, — говорил ему Па. — Ты просто догадаешься, что он там.

Томми выдохнул еще раз, набрал воздуха и, задыхаясь от волнения, стал нажимать спусковой крючок. «Неужели он не сработает? — спрашивал мозг, а сердце отвечало: — Скоро! Скоро! Скоро! Скоро!» Земля заходила ходуном, свет померк, в ушах зазвенело, запахло порохом, во рту сразу появился чернильный привкус. В кустах раздался шорох, затем треск, очень громкий треск ломающихся сучьев, и вдруг все стихло. Все. Томми заморгал. Все кончилось. Просто так все кончилось.

Он поднялся было на ноги, но тело так затекло, что ему пришлось опереться о ствол дерева. Там, где раньше ничего не было, теперь темнело что-то коричневое. Небольшое пятно того же цвета, что и куртка Па. Томми еще раз моргнул и прислушался: не слышно ли треска, не продирается ли кто-нибудь сквозь чащу? Ни звука. Ничего. Он напряг слух и услыхал стрекот кузнечиков, начавших заново свою песню, и щебет птиц, вот только ни треска, ни шуршанья, ни голоса не раздалось. Он двинулся было к кустам, но вдруг остановился, весь дрожа.

— Па? — захныкал он. — Па-а-а-а? — Звук его голоса, искаженный и бесформенный, замирал среди деревьев в холодном, тусклом, как туман, свете. — Па! Па! Па!

Слева послышался шелест и треск, и из полумрака выступила высокая плотная фигура.

— Что с тобой, мой мальчик? Что случилось?

Томми метнулся к отцу и уткнулся головой ему в грудь.

— Па! Я думал, я попал в тебя, Па! Мне показалось, я застрелил человека.

— Ну ладно, ладно, Томми. Все в порядке, — сказал Па, подошел к кусту, присел на корточки и затем вернулся назад.

— Вот видишь, все, как я говорил. Прямо в сердце. Это хороший выстрел. Иди сюда и посмотри, иди, ну иди же.

Он подошел; действительно, выстрел оказался не плох.

Позже, значительно позже, прошагав милю от городка к «хижине», они вместе вошли в нее. Там уже сидело за столиками несколько человек, они подняли головы и посмотрели, как Па посадил его у бара, погладил по темно-русым волосам.

— Ребята, мой мальчик стал сегодня мужчиной, скажу я вам! Да, ребята, он убил своего первого черномазого.

— Ну да! — воскликнул какой-то парень. — Кого?

— Один ниггер сбежал вчера из тюрьмы и петлял, как олень, по болоту.

— Вот это да! — удивился парень.

— Томми попал прямо в сердце!

Парень схватил Томми и обнял его.

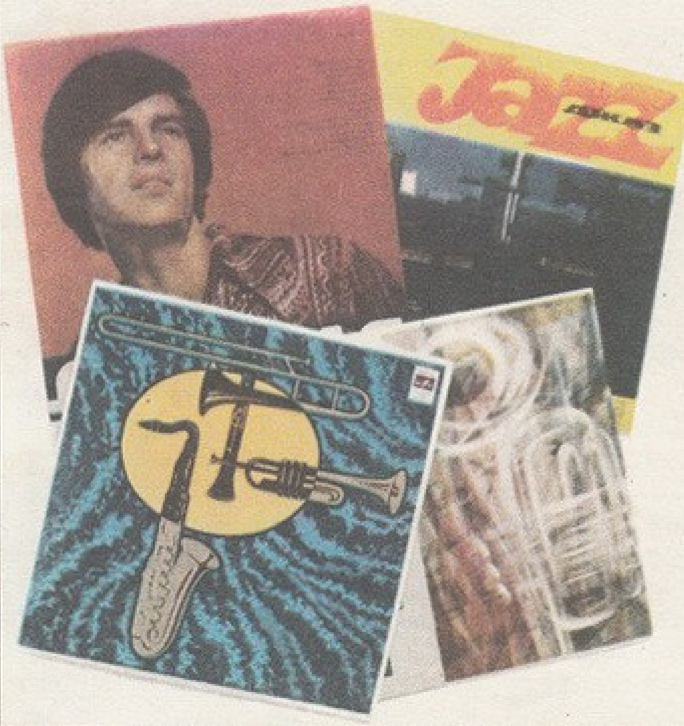
— Теперь ты мужчина, малыш! — закричал он. — Ты настоящий, всамделишный мужчина!

А Па — глаза его горели — закричал:

— Бармен! Что ты там стоишь как истукан? Дай этому мужчине выпить!

Томми опять посадили перед баром, от виски он слегка закашлялся, в горле стало жарко, в ушах зазвенели далекие колокола. Но он счастливо улыбался, чувствуя, как у него внутри разливается тепло, похожее на жар солнца Миссисипи. Теперь он был своим среди этих славных парней.

Перевел с английского
В. ГОРЧАКОВ



„МЕЛОДИЯ-73"

Редакция получает много писем, в которых читатели просят рассказать о новинках, выпущенных всесоюзной фирмой «Мелодия», и ее планах на 1973 год. По нашей просьбе на эти вопросы отвечает старший музыкальный редактор Б. М. Берлянд.

«Сначала несколько слов о записях популярных солистов, оркестров и ансамблей, выпущенных в последние месяцы прошлого года. Это и вокально-инструментальный ансамбль Польши «АВС», и певица Л. Петрович из Югославии, и румынский певец, знакомый по фильму «Песни моря», Дан Спэтару, и ансамбль из ЧССР «Фламинго», и Янош Коош из Венгрии, и Зигфрид Валенди из ГДР; это и старые знакомые из Польши: Анна Герман, Ежи Поломский, Слава Пшибыльска. Достойное место в каталоге фирмы заняли и пластинки с песнями протеста и гражданскими балладами Дина Рида, Джоан Баэз, Пита Сигера.

Любителей джаза порадуют записи Л. Армстронга, оркестров под управлением О. Зелмана (ЧССР), Дж. Ласта (США), Б. Зенгера (ГДР). На грампластинке «Мелодии в танцевальных ритмах» можно услышать аранжировки для оркестра известных мелодий Г. Миллера, К. Портера, В. Германа, ансамбля «Битлз» и др. Песню Франции представляют Эдит Пиаф, Ж. Беко, Ги Беар, Ф. Боккара, М. Матье, Ж. Дрежак. Выпущена пластинка с записью современных популярных певцов — Рафаэля, Адамо, Хампердинка, Тома Джонса.

Нынешний год обещает быть не менее «урожайным». Выходят в свет диски с записями польского ансамбля «Скальды», певца из Болгарии Г. Бейкова, вокального квартета из Чехословакии «Инкогнито», комплект из двух грампластинок «Под крышами Парижа», новая пластинка «Мир Эдит Пиаф».

И это лишь малая часть новинок».

„СКАЛЬДЫ": ПОЧЕМУ? О ЧЕМ? ДЛЯ КОГО?

Ниже следует краткая запись интервью, которое наш корреспондент Е. Воинова взяла у руководителя молодежного краковского ансамбля «Скальды» Анджея Зелинского, популярного в Польше композитора и музыканта.

— Почему «Скальды»?

— Потому что это название выражает главное направление нашего творчества — обработка и переложение народных мелодий. Иными словами, народных певцов и сказителей у нас в Польше называли скальдами.

— О чем поют теперешние «Скальды»?

— Например, о почтальоне, том самом, который приносит нам долгожданные письма. О пастухе, который пасет в горах овец. О войне в Испании. О «Законе Ньютона», по которому вниз падают не только яблоки, но и бомбы... Мы выступаем с 1965 года, и вполне понятно, и репертуар наш, и стиль исполнения не остаются без изменений: так в последнее время мы стали больше обращаться к биту.

— Для кого поют «Скальды» и для кого пишете музыку лично вы?

— Участники ансамбля молоды: старшему 29 лет, младшему — 24, и поем мы для молодых. Сам я много пишу для кино и телевидения. Ваши читатели, быть может, смотрели фильм с моей музыкой «Самозванец с гитарой». Недавно закончил работу над новым мюзиклом «Сегодня будет страшно»...





И СНОВА ПОЛЬ РОБСОН!

В начале минувшего года Нью-йоркская футбольная лига присудила свой ежегодный Национальный приз 74-летнему Полю Робсону. Без сомнения, факт этот удивит многих, ведь Поль Робсон известен всем как великолепный певец. (Вспомните, к примеру, как он поет «Олд мэн ривер» — «Старик река»). Поль Робсон прославился в не меньшей степени и как борец за мир, за гражданские права негритянского народа. Наконец, некоторые знают Робсона-актера. В свое время в Англии, где он был в эмиграции, Робсон снялся в роли Отелло.

И вот запоздалая премия Робсону, в прошлом великолепному футболисту. («Футбольным гением» звали его когда-то специалисты американского футбола.) Из-за болезни Робсон не смог присутствовать на церемонии вручения, и приз получил за него его сын. «Что ж, — заметил молодой Робсон репортерам, — эта награда прорывает блокаду молчания, которым истэблишмент окружил имя Поля Робсона».

Вручение приза и в самом деле прорвало заговор молчания: в прошлом же году в Америке, когда-то изгнавшей певца не только из концертных залов, но и из страны, переиздана его политическая автобиография, выпущено несколько пластинок с его песнями. (На фотографии конверта одной из пластинок вы видите Поля Робсона вместе с Питом Сигером и Вуди Гатри.)

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ. Неподалеку от итальянского города Удине во время проходившего там недавно фестиваля поп-музыки было совершено убийство. Как выяснилось позже — непреднамеренное. Убийцей оказалась... современная музыка. Жертвами — двести кур, у которых звук электрогитар вызвал шок.

ПОПУЛЯРНОСТЬ. Карел Готт и Надя Урбанкова названы читателями чехословацких молодежных изданий «Млада фронта», «Смена» и «Млади свет» самыми популярными исполнителями модных песен 1972 года. В опросе приняли участие свыше 70 тысяч читателей. Певцы-победители получили приз «Золотой соловей».

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ. В Соединенных Штатах вышла книга Пита Сигера об исполнителях народных песен. Она написана в форме дневника и повествует о долгом пути, который прошла народная музыка, прежде чем она смогла утвердиться на эстраде и завоевать любовь масс.

«Распространение политических идей и исполнение народных песен не две разные вещи. Второе тесно переплетено с первым, и так было во все времена», — пишет Пит Сигер. Главное для певца — решить: «На чьей ты стороне» (так, кстати, называется одна из народных песен). То, что сам Пит Сигер на стороне народа, на стороне его стремления к миру и счастью, доказывает и его музыкальное творчество, и эта его новая книга — «Незаконченная история народных песен».

ПЕСНЯ ПЕРЕД ЗАВОДСКИМИ ВОРОТАМИ

В берлинском «Дойче театр» с успехом прошли выступления западногерманского певца Дитера Зюверкрюпа. Личное знакомство берлинцев с певцом из Дюссельдорфа состоялось на III фестивале политической песни. Уже тогда стало ясно: репертуар Дитера — не просто увлечение модными песнями.

В конце 1970 года владельцы западногерманского химического концерна «Фрикс» уволили тысячи рабочих. Дитер Зюверкрюп откликнулся на этот произвол «Фрикс-песней». Он пел ее в Крефельде перед воротами заводов компании вместе с товарищами-коммунистами, вместе с руководителями профсоюзов, вместе с бастующими рабочими.

В 1971 году печать широко обсуждала вопрос о безобразной системе профессионального обучения молодых рабочих в ФРГ. Зюверкрюп создает цикл песен о подмастерьях.



Сейчас вместе с композитором Гансом Вернером Хенце Дитер работает над детской оперой. Очень важно, считает Дитер, помочь молодежи разобраться в том, как устроен современный мир, помочь ей найти в нем свое место. Об этом он и будет петь участникам X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине.

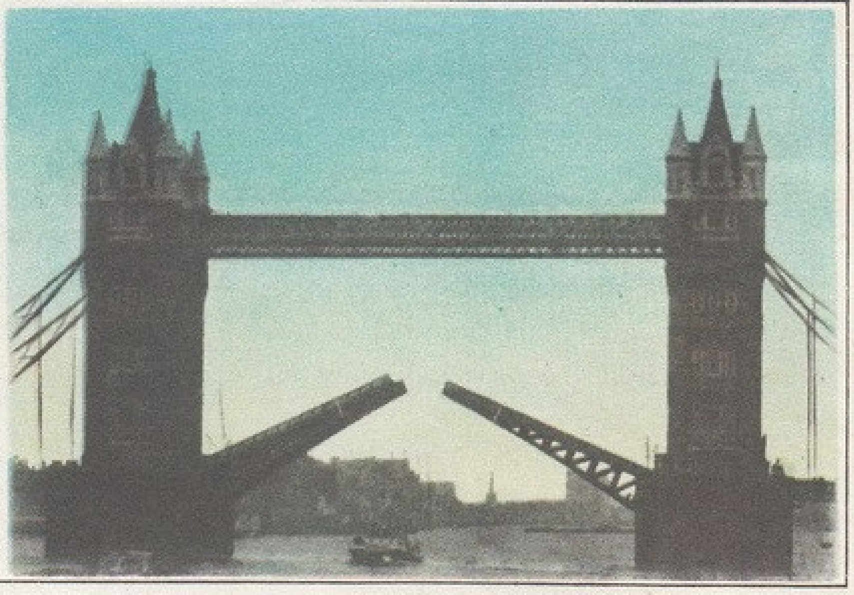
ДОЛОЙ ЭКЗОТИКУ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЭКЗОТИКА!

Не успели англичане свыкнуться с тем, что у них больше нет шиллингов, как по их вековым традициям был нанесен новый удар. На сей раз объектом преобразований стал знаменитый Тауэрский мост, состоящий из двух пролетов, которые разводятся для прохода судов.

До сих пор разведение моста производилось с помощью гидравлики. Точно такая же система с использованием обычной водопроводной воды по сей день приводит в движение целый ряд лондонских механизмов, в том числе — хотите верьте, хотите нет — механизм, опускающий и поднимающий занавес лондонского концертного зала «Палладиум».

«Внутренности» моста — целый завод, блестящий стальными, латунными, медными приводами, поршнями, трубами и двигателями. Только прозаические соображения экономии, ибо экзотика обходится накладно: штат в 50 человек в среднем пропускает лишь одно судно в день — заставили обратиться к бездушному электричеству.

Правда, в наш век туризма экзотика вовсе не бесприбыльна. Она еще послужит столичному муниципалитету: старинные механизмы, запрятанные в чреве моста, будут открыты для любопытствующих в качестве музейных экспонатов.



ШКОЛА. Врачи многих европейских стран констатируют, что рост детей увеличивается. В связи с этим возникает ряд трудностей в школьном строительстве: ведь для будущих гаргантюа потребуются «подросшие» парты и «раздавшиеся в плечах» классные комнаты.

ПОЭЗИЯ. Австрийский поэт и переводчик Гуго Гупперт закончил перевод последнего, пятого тома произведений Маяковского. Пятитомник выйдет в свет одновременно в двух издательствах: «Фольк унд Вельт» в Берлине (ГДР) и «Инзель-Ферлаг» во Франкфурте-на-Майне (ФРГ).

ЦИТАТЫ. Удрученный ростом преступности в Великобритании, английский судья Джеймс Росс считает: «Условия жизни в нашей стране напоминают обстановку, существовавшую 200 лет назад, когда мужчина не отваживался выйти из дому без меча для обороны».



ООН, ПИКАССО И ФИЛАТЕЛИСТЫ

Организация Объединенных Наций выпустила марку с репродукцией картины Пабло Пикассо из его личной коллекции. На портрете, сделанном в 1930 году, художник изобразил свою маленькую дочь Майю, впервые увидевшую хлопья снега.

ООН — единственная неправительственная организация мира, имеющая право выпускать почтовые марки. Надписи на русском, французском, английском, испанском, китайском языках — рабочих языках ООН — рассказывают миллионам людей о ее многосторонней деятельности, о злободневных проблемах, волнующих весь мир. ООН выпускает также и памятные марки — например, в ознаменование Международного года «Защиты прав человека», Международного метеорологического года.

В одном только 1970 году марки ООН были наклеены на семь миллионов почтовых отправлений. Новая марка, фотографию которой вы видите на этой странице, посвящена 20-летней годовщине создания школ ООН.

СВЯЗЬ. Как замечает английская газета «Гардиан», едва иностранные журналисты решатся передать из ЮАР какую-нибудь новость, неблагоприятную для расистского режима Форстера, как тут же на линии связи «наступает повреждение».

Вот примеры: во время студенческих выступлений в июне прошлого года «около острова Св. Елены кабель был поврежден... китом». Связь была прервана и когда спортсменов расистской Родезии попросили с Олимпиады в Мюнхене. Тогда «кабель был поврежден бульдозером».

ОБЫЧАИ И НРАВЫ. В индейском племени коа-чо в Бразилии давно найден способ ограничивать время выступления ораторов. Прежде чем начать говорить, выступающий вкладывает голову в петлю. Примерно каждые три минуты, но, в общем-то, на глазок, вождь племени дергает веревку, затягивая петлю все туже и туже. Даже самые пламенные ораторы не выдерживают такого сурового «регламента» и быстро заканчивают свою речь.

ВОЗРОЖДЕНИЕ „ПЬЕТЫ“

Почти пять веков мир любовался скульптурой «Пьета» («Оплакивание Христа») — шедевром Микеланджело, находящимся в соборе св. Петра в Риме. «Оплакивание Христа» была для мира вершиной выражения материнской любви и скорби.

После того как «Пьету» доставили из мастерской в собор, скульптора стал неотвязно преследовать страх за свое детище — «Пьета» стояла тогда в старой церкви, и достаточно было сильного порыва ветра, чтобы обветшавшие стены рухнули. Увы, опасения Микеланджело за судьбу «Пьеты» оказались ненапрасными, хотя все произошло совсем не так и значительно позже. В мае прошлого года некий Ласло Тот из Австралии, скорее всего безумец, набросился с молотком на статую, нанеся по ней 15 ударов. Было подобрано более 50 осколков.

Семь месяцев кропотливого труда потребовалось реставраторам во главе с профессором Де Кампосом, чтобы «залечить» особенно пострадавшие нос, веко правого глаза и руки мадонны. Был применен специальный состав, придающий мраморной пыли фактуру, близкую к оригиналу. Возрожденная «Пьета» снова заняла свое место в соборе св. Петра. На этот раз скульптура отгорожена от зрителя — а главным образом, конечно, от вандалов — стеклом особой прочности.





УНИВЕРСИАДА · МОСКВА · 1973 · УНИВЕРСИАДА

Многие чемпионы и призеры XX Олимпийских игр в Мюнхене на вопросы журналистов о планах на будущее отвечали коротко:
— Универсиада в Москве!..

Всемирные студенческие соревнования откроются 15 августа, и сейчас время до стартов считают уже на дни. Известно, что в Москву приезжает более трех с половиной тысяч спортсменов-студентов примерно из 70 стран. Среди участников предстоящих состязаний немало «звезд» мирового спорта.

Похоже, Универсиаде-73 суждено стать весьма значительным событием нынешнего спортивного года, столь богатого многочисленными чемпионатами мира и континентальными первенствами. И не только потому, что универсиады по праву называют «Малыми олимпиадами», но и потому, что очередной студенческий спортивный форум проводится именно в Москве.

«...В Советском Союзе мы имеем полную гарантию самой высокой организации всех мероприятий Универсиады», «Советский Союз — символ прогресса, борьбы за мир и обеспечение безопасности во всем мире. А эти вопросы волнуют современную молодежь, в том числе молодых спортсменов. Они с радостью встретятся в столице СССР» — такие письма приходят в Москву из многих стран, подавших заявки на участие в Универсиаде.

Первые студенческие спортивные игры состоялись в Варшаве еще в 1924 году, вторые — через четыре года в Риме. В те далекие годы игры проводились всего по трем видам спорта (легкая атлетика, плавание, фехтование), и участвовало в них считанное количество стран.

Лишь после второй мировой войны, когда был создан Международный союз студентов, студенческие игры завоевали широкую популярность. Сперва они проводились в рамках Всемирных фестивалей молодежи, а с 1957 года, года международных соревнований в Париже, посвященных 50-летию Национального союза студентов Франции, стали самостоятельными состязаниями.

Официально свой отсчет Универсиады ведут с 1959 года, с соревнований в Турине. Затем София, Порту-Алегри, Будапешт, Токио и, наконец, снова Турин.

От старта к старту расширялась программа игр. Теперь в них входят соревнования по десяти видам спорта: девяти неизменным — легкая атлетика, гимнастика, плавание, волейбол, баскетбол, водное поло, теннис, прыжки в воду, фехтование — и одному дополнительному, который вводится в программу по желанию страны — организатора Универсиады. На московских играх дополнительным видом соревнований будет вольная и классическая борьба.

Главная задача Универсиад — способствовать укреплению дружбы между студентами, сотрудничества молодежи в области спорта, упрочению позиций международного спортивного движения. Рост популярности игр, неизменное расширение состава их участников — лучшее свидетельство того, что эта задача отвечает чаяниям молодежи; спорт, считает она, хорош не только для укрепления здоровья человека, но и «здоровья» международных отношений.

Не спортом единым жили и живут Универсиады. Их история — калейдоскоп незабываемых праздников. Бразильские игры студентов вылились во внеурочный красочный карнавал. Универсиада в Венгрии по организации и общей торжественности была сродни Олимпийским играм. Десять дней студенческих соревнований в Болгарии напомнили фестивали молодежи, а технически великолепно оснащенную Универсиаду в Турине дополнили массовые театрализованные в духе разных эпох представления.

И все же главное на Универсиаде — спорт, спорт самого высокого качества. К примеру, только на последней Универсиаде в Турине были побиты два мировых, два европейских и 98 национальных рекордов. Именно на небосводе Универсиад взошли такие яркие спортивные «звезды», как Ливио Бирутти, один из лучших спринтеров мира, и все «звезды» японской гимнастики. 2 м 25 см — тогдашний мировой рекорд — Валерий Брумель

установил на Софийской универсиаде. В 1965 году на играх в Будапеште стометровку за 11,8 секунды пробежала полька Ирена Шелинска. Это был мировой рекорд. В 1970 году в Турине венгр Миклош Немец метнул копье на 81 м 94 см, шестовик из ГДР Вольфганг Нордвиг преодолел планку на высоте 5 м 46 см, спортсменка из ФРГ Хейга Розенталь показала в прыжках в длину выдающийся результат — 6 м 84 см, а австрийка Сикора пробежала 400 метров за 52,8 секунды. Все это и есть Универсиада!

Не всегда над Универсиадами было чистое небо. Перед играми в Токио японский организационный комитет выдвинул требование, чтобы делегация Корейской Народно-Демократической Республики выступала как Северная Корея. К удивлению всех, конгресс ФИСУ согласился с этим ничем не обоснованным дискриминационным условием. Тогда студенты-спортсмены многих стран, и в первую очередь социалистических, отказались участвовать в Универсиаде 1967 года. На спортивных аренах японской столицы соревновались команды лишь 30 стран. Для сравнения можно вспомнить, что на следующих играх, в Турине, стартовали студенты из 58 стран. Печальный пример Универсиады-67 поучителен. Спортивные игры — не игрища политиканов или расистов.

История Универсиад — это история и великолепных побед советского студенческого спорта. И хотя на этих состязаниях официально командные результаты не подводятся, мировая спортивная пресса с неизменным постоянством во главе турнирных таблиц выводит четыре буквы — «СССР». Советские студенты на Универсиадах завоевали 219 медалей (88 золотых, 86 серебряных и 45 бронзовых) — таким количеством трофеев не может похвастаться ни одна студенческая национальная команда.

Успех этот закономерен: под флагом добровольного студенческого спортивного общества «Буревестник» выступают полтора миллиона спортсменов — учащихся высших учебных заведений. Лучшие из них, как известно, входили в олимпийские сборные СССР. Имена Валерия Борзова, Ольги Корбут, Николая Авилова, Владимира Васина, Виктора Мазанова, студентов из сборной ватерполистов, многих других героев Мюнхена хорошо известны в спортивном мире. Это «Буревестник», их спортивное общество, пригласил Универсиаду-73 на московскую землю, и предстоящие в столице СССР игры обещают быть самыми массовыми и представительными.

Предложение студенческого спортивного общества «Буревестник» провести в Москве игры всемирной Универсиады 1973 года получило полную поддержку советских государственных, общественных и физкультурных организаций. Это гарантия того, что Универсиаде будут созданы наиболее благоприятные условия, что участникам будут предоставлены лучшие спортивные сооружения, базы, общежития. А опыт в организации крупнейших спортивных состязаний у московских специалистов этого дела накоплен немалый: достаточно вспомнить спортивные игры в рамках VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, спартакиады народов СССР, чемпионаты мира и Европы. Не говоря уже о том, что спортивные сооружения Москвы завоевали признание среди спортсменов всех континентов.

Все лучшее гостям — таков закон московского гостеприимства. После тщательного отбора и проверки оргкомитет определил спортивные сооружения, резервные и тренировочные базы, которые будут отданы в распоряжение Универсиады. На Большой спортивной арене Центрального стадиона имени В. И. Ленина возьмут старты легкоатлеты. На водных дорожках стадиона будут соревноваться пловцы, в его теннисном городке — мастера большой ракетки. Дворец спорта ожидает гимнастов; спортивный комплекс клуба ЦСКА — баскетболистов, манеж имени братьев Знаменских — фехтовальщиков, а манеж института физкультуры — борцов; бассейн «Чайка» — прыгунов в воду; Дворец водного спорта — ватерполистов; ледовый дворец «Сокольники» — финалистов волейбольных состязаний. На этих спортивных сооружениях неоднократно проводились крупнейшие международные соревнования, чемпионаты мира и Европы.

Пресс-центр Универсиады, оборудованный во Дворце спорта в Лужниках, сможет обеспечить работу более семисот корреспондентов газет, журналов, телеграфных агентств, радио, телевидения. Спортсмены, прибывшие на игры, будут жить в Доме студентов МГУ.

Мы не знаем, будут ли на Московской универсиаде мировые и европейские рекорды. Пока что в них можно только верить. В чем можно быть, однако, уверенным, так это в том, что Универсиада-73 станет праздником дружбы и мира между молодежью разных стран.

В Доме студентов МГУ во время Универсиады будет работать интернациональный клуб с насыщенной и интересной программой. В гостях у спортсменов побывают лучшие представители молодежи столицы, известные актеры, мастера эстрады и цирка. Для участников игр будут организованы поездки на родину первого космонавта Юрия Гагарина, совместные просмотры кинофильмов, экскурсии по Москве и Подмосковью...

По сути дела, Универсиада-73 уже давно началась. Работники организационного комитета решают тысячи вопросов, связанных с ее подготовкой. Чеканят на монетных дворах Москвы и Ленинграда медали, работники местной и легкой промышленности готовят эмблемы и значки, сувениры, министерства связи — блоки марок, памятные конверты.

— Мы сделаем все для того, чтобы все, кто приедет на Универсиаду, чувствовали себя на нашей земле как дома, — этими словами Игоря Бобылева, профессора, члена спортивной комиссии Моссовета, мы и хотим заключить наш разговор о том, как готовится к Универсиаде Москва. — Универсиада будет полноправной хозяйкой на главных спортивных сооружениях города. Мы придем на стадионы поболеть за наших ребят, но мы будем аплодировать и мужеству наших соперников, мы будем подбадривать слабых и не дадим в обиду побежденных. Не зря же говорят, что наш, московский, болельщик самый объективный. В Москве участники Универсиады найдут много новых друзей, наш спортивный праздник станет праздником единства и солидарности молодежи всей земли.

Мне довелось встретиться с президентом ФИСУ римским адвокатом доктором Примо Небиоло. Я попросил его высказать мнение о новом, московском адресе Универсиады.

— И как президенту ФИСУ, и как руководителю оргкомитета последней Универсиады, проходившей в Турине, мне доставляет большое удовольствие передать своеобразную эстафету игр Москве — великому и прекрасному городу, городу студенческому, городу спортивному.

Я верю в успех Универсиады-73. Эту убежденность подкрепила весьма благоприятная атмосфера, в которой проходила работа заседания Исполкома ФИСУ в Москве. Мы побывали на всех местах будущих соревнований и пришли к выводу: всюду уже сегодня можно поднимать флаги.

Уверен, что Москва обеспечит не только высокий организационный уровень спортивных соревнований, но и интересный, полезный досуг участников, способствующий установлению дружеских контактов. А это очень важно. Сегодняшние студенты — будущее нашей планеты, мир на которой во многом зависит от взаимопонимания людей, населяющих ее.

...В тот день, когда я был в штабе студенческих игр, сюда уже поступили заявки на участие в соревнованиях от студенческих команд всех пяти континентов. В оргкомитет Универсиады-73 пришла и посылка со знаменем ФИСУ. На нем эмблема: латинская буква U, притягивающая, словно магнит, пять звездочек, символизирующих пять континентов. Эстафета принята.

Сергей ПОПОВ

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

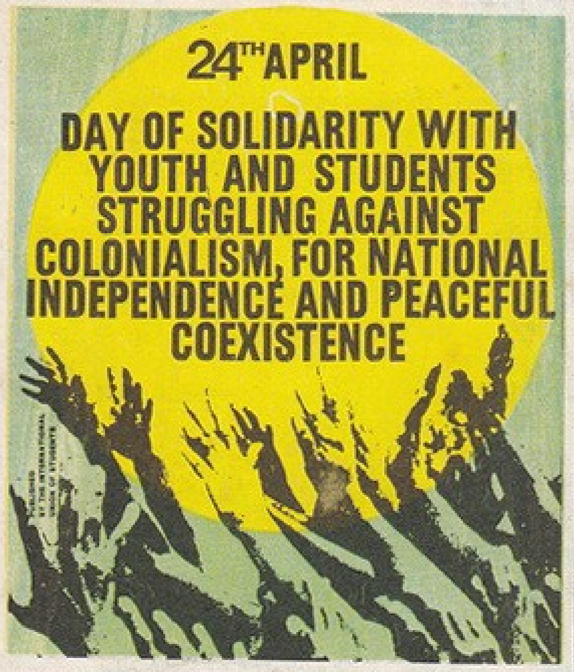
Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, И. С. ЗЕНУШКИНА, В. П. МОШНЯГА, Б. К. ПУГО, А. Н. ФИЛАТОВ (ответственный секретарь), С. А. ЧИБИРЯЕВ.

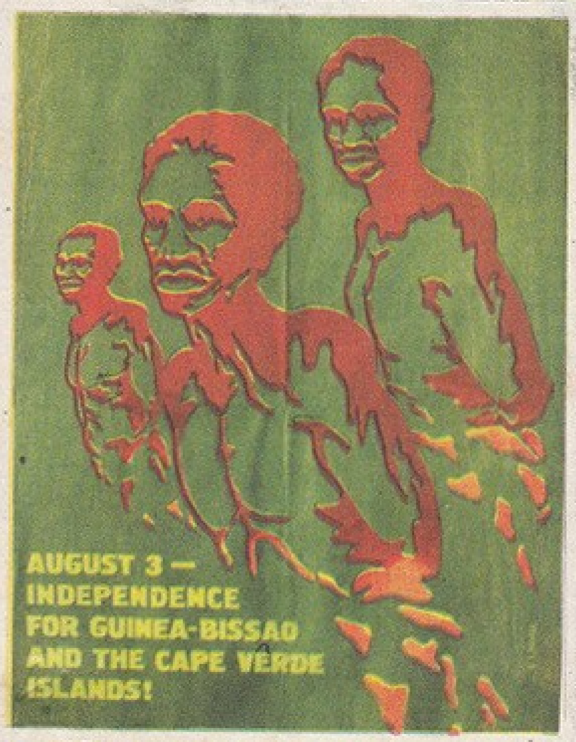
Худож. редактор О. С. Александрова.
Оформление В. Д. Грызлова.
Техн. редактор В. Н. Савельева.

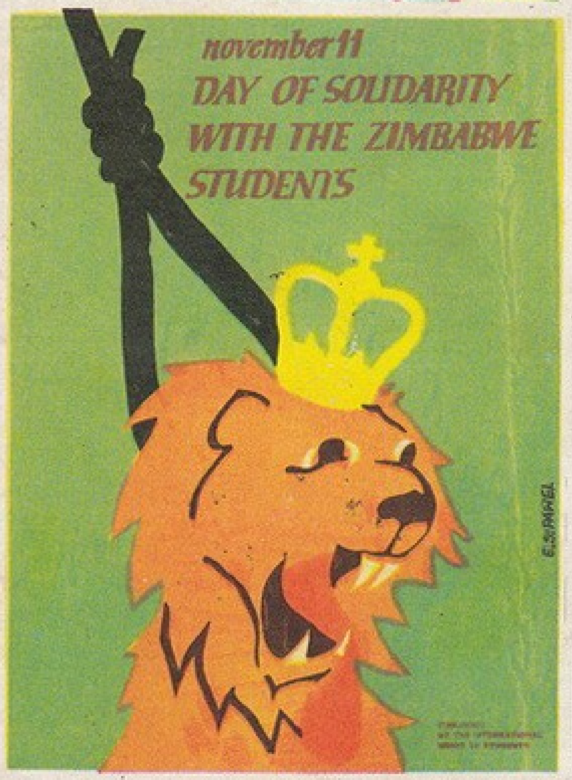
Адрес редакции: Москва, К-104, Спиридоньевский пер., 5.
Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

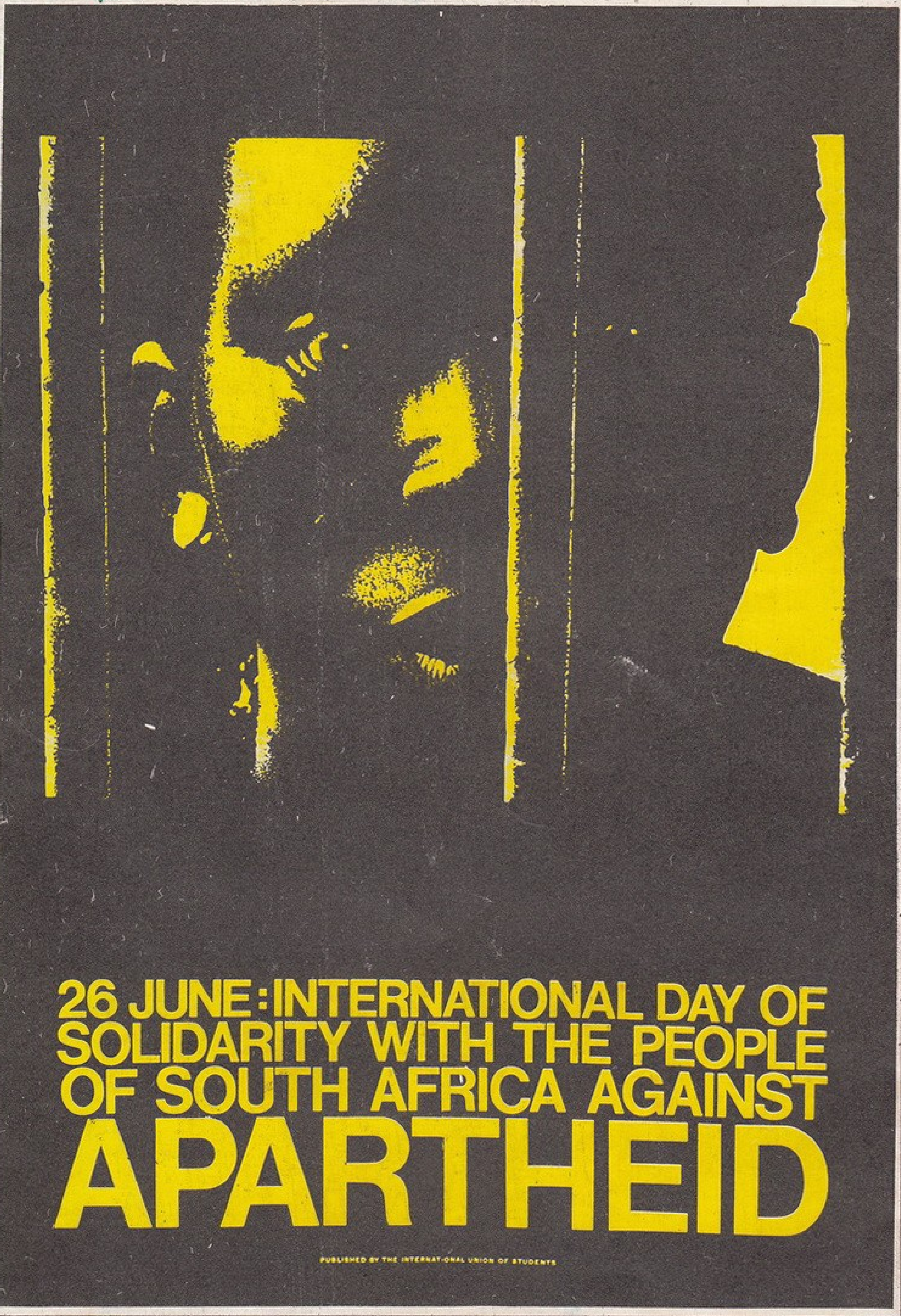
Сдано в набор 20/II 1973 г. Подп. к печ. 22/III 1973 г. А00369. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 400 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 291.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.









Эта история произошла несколько лет назад. Прогрессивный итальянский журнал «Вие нуове» опубликовал письма, чудом вырвавшиеся на волю из мадридского застенка. Их авторы — безымянные испанские патриоты, политзаключенные. Рядом с письмами в журнале были воспроизведены рисованные плакаты тех же безымянных авторов и над каждым — строчка: «Плакат — тоже оружие». Мадридская охранка сбилась с ног, чтобы нащупать пути, по которым ушли на волю эти материалы. Безрезультатно...

Такова вкратце одна из историй создания одного из политических плакатов — этого массового, оперативного и чрезвычайно активного средства пропаганды. Но как бы ни возник тот или иной политический плакат, к нему предъявляются очень высокие требования. И чтобы язык плаката был доходчив и убедителен, чтобы плакат неотразимо бил в цель, необходимо сплавить воедино политический опыт, труд, а зачастую и риск многих людей. Когда же решение найдено — с почасовой точностью обозначить дату выпуска... Ни днем позже, ни днем раньше, и только точно в срок. Промедление тут немыслимо.

...«Плакат — тоже оружие». И не случайно в Будапеште в штаб-квартире Всемирной федерации демократической молодежи давно уже работает отдел прессы и пропаганды, который выпускает ежегодно от 10 до 15 политических плакатов, тиражом до 20 тысяч экземпляров каждый. Отдел регулярно проводит конкурсы среди художников-плакатистов, а лучшие произведения премирует.

Если перелистать плакаты прошлых лет, то увидишь, чем жило предыдущее поколение молодых борцов. Если взглянуть на плакаты сегодняшние, то увидишь, чем живет его нынешняя смена.